

Марина Дмитриева Лягушонок и Мистер Совершенство

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69784681
0101*

Аннотация

Мистер Совершенство вошел в мою жизнь, когда мне было девять, и я казалась всем окружающим смешным, нелепым лягушонком, рыжим одуванчиком на тонкой ножке. Могла ли я подумать, что этот красивый заносчивый мальчик, мой сводный брат, с которым мы только и делали, что без конца ругались, так западет мне в душу, что наизнанку ее вывернет... Мы уже выросли и пытаемся устраивать свои судьбы. Только я света белого не вижу без него. А он?! Что чувствует он?!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	23
Глава 3	49
Глава 4	78
Глава 5	99
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Лягушонок и Мистер Совершенство

Автор: Дмитриева Марина

Пролог

– Инна, черт возьми, Инна! – голос совсем близко, в нем слышались несвойственные для Мистера Совершенства страх и растерянность.

– Дим-а-а!! Дим-а-а!! – закричала я из последних сил, и захлебнулась соленой горькой водой.

Попыталась вынырнуть из накрывшей меня волны... Помогли мужские руки, с силой толкнувшие мое тело вверх. Он спасет, он поможет, Дима столько лет плаванием занимался, в его руках мне ничего не страшно.

– Лягушонок, тут совсем чуточку до берега, просто волны очень большие! Держись, Лягушонок! Держись! Я рядом!

Держусь... жадно хватая воздух после выныривания из очередной волны. Ногу пронзила судорога. Мамочки, как же больно! Адски, словно кто-то штырь раскаленный в ногу загнал. Заскулила побитой собакой и с удвоенной силой работала руками. Застопорившаяся конечность тащила ко дну, а голову накрыла очередная волна. Меня опять захлестну-

ла паника. Сильные мужские руки еще раз толкнули вверх, позволяя сделать малюсенький глоток воздуха. Я справлюсь. Я сильная и смелая... когда рядом Дима. И снова волна, и снова во рту соленая и горькая вода.

Пришла в себя уже на берегу. Точнее, привели в чувство целующие меня холодные мужские губы. Нет, глупая, раз-мечталась, ничего это не поцелуй, просто Мистер Совершенство подумал, что я отдала кранты, и решил поделиться со мной воздухом, делая искусственное дыхание рот в рот, вдруг очухаюсь.

– Лягушонок! Дыши, слышишь, дыши!! – истошно орал он.

Перепугался, бедненький, что мне каюк.

– Дыши, рыжая бестия! Я приказываю тебе!! Дыши, черт тебя побери!

Ха! Раскомандовался тут! Некоторых хлебом не корми, дай покомандовать. С детства таким невозможным был. От холода, а может, злости тело начала бить мелкая дрожь. Зачем он так со мной?! Зачем бешено кричит, будто я ему дорога, будто он боится меня потерять?!

– Прекрати орать, Мистер Совершенство, уши закладывает, – как можно более спокойно, даже буднично, сказала я и открыла глаза.

Сейчас, в сумерках, несколько взъерошенный, с мокрой головой, Дима казался безумно красивым, совершенством, мужским аналогом Афродиты, рожденным из пены морской.

Его тоже трясло, и, кажется, по тем же самым причинам. Интересно, отчего сильнее – холода или злости?! Дальше Мистер Совершенство действовал решительно и быстро, перевернул меня, перегнул через свою коленку и шлепнул прямо по заднице: раз, два. Со всего размаха, шорты мокрые, рука тяжелая и в песке, чертовски больно, а еще сильнее обидно.

– Ты ненормальное, эгоистичное существо, мы чуть не утонули! – три, четыре.

– Я думал, у тебя есть хоть чуточку ума, но нет, глупа, как пробка! – пять, шесть.

– Ведешь себя, как маленькая избалованная девочка! – семь, восемь.

– Ты за кого переживаешь, за меня или за себя?!

– Дура! Безмозглая дура!! – снова бесился любимый псевдобратец, еще раз опуская ладонь на мою многострадальную попу – девять, десять.

Как всегда, я во всем виновата, я ведь рыжее сумасшествие нашей семьи, а он умный и ответственный Мистер Совершенство, Мистер Жестокость. Больно и обидно! Стала вырываться из злых объятий любимого брата. Задница вся в огне, и я тоже начала гореть... гореть – клацая зубами от холода. Удалось освободиться, получилось двинуть ему в челюсть, хорошенько так припечатать.

– Да пошел ты! Не смей меня бить! Езжай к своей идеальной невесте, оставь меня в покое наконец-то! Трахайся со своей идеальной невестой! Живите долго и счастливо!! Лю-

бите друг друга, пока смерть не разлучит вас! Мне плевать!
Мне все по барабану!

Зачем я так кричу?! Зачем выдаю свои чувства?! Да еще и слезы к тому же побежали по щекам. А, к черту все, надоело! Долго сдерживаемые эмоции вырвались на свободу, их уже не остановить...

Глава 1

Лягушонок

Своего родного отца я никогда не знала, он не захотел со мной познакомиться, заделал маме ребенка и свалил в туман... Их история – классическое воплощение всем известной аксиомы: «Хорошим девочкам нравятся плохие мальчики». Конечно, их наглость, нахрапистость, пофигизм, бесстрашие, способность говорить красивые пустые слова очень притягательны для женских сердец. Каждая думает: «Я особенная, в меня он непременно влюбится, ради меня изменится, мы поженимся», – и тому подобные розовые мечты. Ага, два раза ага, такие типы любят только себя. В реальности плохие мальчики так и остаются плохими. В этом отношении я не похожа на маму, мне всегда нравились хорошие, умные, ответственные, деловые мальчики. Только вот беда, я не была хорошей девочкой. Рыжая языкастая оторва.

Но самое странное, родители человека, который наградил маму добравшимся до цели сперматозоидом, зная о существовании сыновнего отпрыска, тоже не захотели со мной познакомиться. Предпочли полностью проигнорировать, вычеркнуть из памяти данный факт. Впрочем, кто знает, быть может, мой папочка каждой своей даме заделывал по ребенку и сваливал в туман, ведь как известно: «Наше дело не рожать, сунул-вынул и бежать». Со всеми отпрысками разве

перезнакомишься. Никто со стороны отца не принимал участие в моей жизни. Хотя рыжие спиралевидные волосы, доставшиеся мне в наследство от рода Кривошеевых, красноречиво без всяких слов говорили о нашем родстве. Да и жили мы, пока не переехала в столицу, не так уж далеко, один из двоюродных братьев (сын сестры моего непутевого папаша) даже ходил в ту же школу, что и я. Но в нашем случае родная кровь оказалась бесцветной водицей без вкуса и запаха.

Мама у меня очень привлекательная женщина, молодой со многими известными красавицами могла поспорить в идеальности своих черт. Вот все при ней: идеальная гладкая кожа, большие серые глаза, красивый овал лица, тонкий носик, красивой формы губы. Фигурка – закачаешься, хотя последнее время начала набирать вес. Но, обжегшись на молоке, дуешь на воду. Несмотря на довольно большое количество мужчин, крутившихся рядом, готовых взять ее замуж даже с рыжим бесноватым прицепом, она долгое время оставалась одна. А может, просто сердце ни на кого не дрогнуло. Было холодным и молчаливым, пока в нашу жизнь не вошел дядя Саша. Они встретились случайно, мама приехала к подруге в Москву, зашла к ней на работу, где в должности инженера трудился Ковалев Александр Дмитриевич, 37-летний вдовец, год назад потерявший жену. Довольно интересный внешне, обстоятельный. Женщины с возрастом взрослеют, начинают искать в мужчинах прежде всего не бешеные эмоции, а ответственность и надежность. Маме повезло

встретить человека, который одновременно и вызывал в ней сильные эмоции и был надежным, точно скала. Странно, но я, обычно дико не любившая, чтобы в наше с мамой девичье пространство вклинивался кто-то третий, отвадившая от мамы с десятков поклонников, практически сразу прониклась к нему симпатией. Нет, дядя Саша совсем не подарками купил, эка невидаль, рыжеволосая кукла Барби (хотя я до сих пор храню ее в коробке вместе с другими памятными для моего сердца вещами), он покорила меня тем, что после каждого его прихода мамины глаза зажигались мягким приятным светом. Она становилась веселой и ласковой, а на лице то и дело появлялась счастливая улыбка. Как я теперь понимаю, от любви она по облакам порхала. Несмотря на свойственные всем детям, а мне в особенности, максимализм и эгоистичность, такое явное свидетельство счастья и любви не оставило меня равнодушной. Не то чтобы я осознанно беспокоилась тогда о материнском счастье. Но в моем представлении моя мама была похожа на прекрасную принцессу, а каждой прекрасной принцессе, даже той, у которой прицеп в виде рыжей дурнушки, должен достаться свой прекрасный принц. Дядя Саша, особенно когда надевал красивый костюм, в целом походил на принца, поэтому новость о том, что они хотят пожениться, я восприняла с радостью.

Счастлирое событие произошло, когда мне было девять. Именно тогда в мою жизнь вошел великолепный, невыносимый, иногда до занудства умный, высокомерный, краси-

вый, жестокосердный Мистер Совершенство – сын дяди Саши, который был старше меня на 5 лет.

Как сейчас помню нашу первую встречу. Она состоялась на даче у родителей дяди Саши, куда он привез нас с мамой, чтобы познакомить со своей семьей.

В то лето я сильно вытянулась, была худой, нескладной, а еще зачем-то уговорила бабушку коротко подстричь мои волосы. Думала, новая прическа добавит мне красоты, хотела хоть немного соответствовать своей красавице-маме, которая в ту пору носила короткое каре. Вот и я подстриглась так же. Ага, два раза ага, похорошела, не то слово. Волосы стали торчать вокруг моей головы рыжим нимбом. А так как я была высокой, худой и костлявой, то издалека была очень похожа на одуванчик, который затейник-художник зачем-то раскрасил в рыжий цвет. Инна-одуванчик – стали дразнить меня во дворе... Собрать волосы в хвост длина не позволяла, я их, конечно, пробовала укротить различными лаками и гелями, заколками и невидимками, только они не желали укрощаться, через полчаса снова торчали вокруг головы рыжим нимбом.

– А вот и мы! – радостно воскликнул дядя Саша, открывая белую деревянную калитку дачи.

Нас вышли встречать красивый седовласый мужчина и стройная, несмотря на тогдашний шестидесятилетний возраст, женщина. Я застыла возле мамы, с восхищением разглядывая дачу. До того момента ничего красивее я не виде-

ла. Много зелени, цветов, причем посаженных не абы как, а тщательно продуманным образом, белая беседка, белые скамейки, небольшой, по-кукольному красивый домик в стиле прованс. Под окнами ящички с цветами. Для меня и сейчас дача родителей дяди Саши – самое уютное, красивое место на земле. Антонина Павловна обладает безупречным вкусом.

Моя красавица-мама, несмотря на радушие будущих свекра и свекрови, робела, жалась к дяде Саше и расточала комплименты. Я тоже не смогла сдержать своего восхищения:

– Офигеть, у вас как в голливудских фильмах про идеальную семью.

– Это моя дочка Инна.

Дурацкое имя, додумалась же мама так меня назвать. Инна, как будто не зовут, а предлагают что-то взять. «На», возьми и заткнись.

– Какая яркая девочка, просто огонек, – сделала комплимент Антонина Павловна.

– Такой цвет волос редко встречается, – поддакнул Дмитрий Александрович.

– Дим, ну наконец-то и ты появился. Иди, познакомься, Наташу ты уже знаешь, а это ее дочка Инна.

Сыну дяди Саши было четырнадцать лет. Дима показался мне богом, совершенством... Самым красивым парнем, которого я когда-либо встречала, хотя о парнях в то время я думала мало, не доросла еще. Высокий, широкоплечий, вполне по-мужски сформировавшийся (возможно, благодаря плава-

нию, которым Дима серьезно занимался лет с пяти), с правильными чертами лица. Волосы темные, на висках коротко стриженные, а на затылке длинней, синие глаза в обрамлении черных ресниц – словно яркие васильки кто-то на землю положил.

– Какая смешная рыжая, не голова, а огненный шар, – на красивой лепки мальчишеских губах мне почудилась брезгливая улыбочка, будто он в какашку ногой наступил.

Показала ему язык... Конечно, по сравнению с таким совершенством я выглядела нелепым пучеглазым клоуном, рыжим одуванчиком на тонкой ножке, с большими жабьими губами, а для пущего ужаса, еще и со скобками на зубах. Понимание своей собственной ущербности толкнуло меня на хамство. Боги всегда вызывали во мне желание дерзить, наконец, это зависть выходила протестом.

– А у тебя голова как футбольный мяч.

– Почему как футбольной мяч? – удивился Дима.

– Потому что пинка просит, – весьма грубо ответила я и засмеялась собственной шутке.

Конечно, никто из присутствующих не разделил моего веселья, наоборот, повисла тишина. У родителей маминого жениха Дмитрия Александровича и Антонины Павловны недоуменно вытянулись лица. Дядя Саша неловко крикнул, а мама отчаянно покраснела. Эх, сколько раз в жизни я еще буду заставлять ее краснеть.

– Инна, что ты такое говоришь?! – смущенная роди-

тельница дернула меня за рукав футболки. – Простите, она немного ершистая, и не любит, когда обращают внимание на ее необычную внешность.

Прямо скажем, клоунскую внешность.

– Но вообще Инна очень хорошая (тут мама немного покривила душой) и добрая девочка. Всякую живность большую домой несет, котят, собачат, даже когда-то мышат приволокла и выкармливала с помощью пипетки. Правда, они все равно подошли.

Будущий братец пренебрежительно хмыкнул.

– Выхаживает, – продолжила меня хвалить (выставлять еще большей дурочкой) мама, – а потом пристраивает в хорошие руки.

– Любит сырых и убогих, – вставил едкий комментарий совершенный мальчик.

– Дима?! – возмутилась его бабушка Антонина Павловна, а дядя Саша нахмурился.

– Ага, могу и тебя пристроить в хорошие руки.

Такого с руками оторвут...

Взрослые засмеялись.

– А ей палец в рот не клади, – как мне показалось, с одобрением сказал дедушка Дмитрий Александрович.

– Какая колючая, – пожал плечами красавчик, сын дяди Саши. – Она точно ваша дочка? – теперь он обратился к маме. – Абсолютно на вас не похожа. Может, ее в роддоме подменили?!

– Дима! – теперь уже дядя Саша возмущенно дергал отпрыска за рукав.

А у меня слезы навернулись на глаза. Я снова вдруг остро почувствовала свою ущербность. Больше всего на свете я хотела быть похожей на свою красавицу-маму, но мне ни одной черточки не досталось. У мамы волосы светлые, блестящие, будто золотое руно, личико сердечком, глаза миндалевидные с ярко-голубой радужкой, губы, словно цветок, красивые. У меня рыжие спирали вместо волос, губы как вареники, на зубах скобки, глаза навывкате. Смешная и несуразная... Только, пожалуй, нос ничего, на мамин не похож, но аккуратный.

Мама обняла мои худые плечи.

– Точно моя, – в женском голосе слышалась теплота, – такую рыжую и ершистую разве с кем-то спутаешь. Сразу в сердце западает.

Красавчик еще раз пренебрежительно хмыкнул.

– Так, давайте шашлыками заниматься, – призвал к активным действиям дедушка Дима. – К вечеру обещали дождь.

– Наташенька, – обратилась Антонина Павловна к маме, – поможешь мне с салатом?

– Да-да, конечно.

– А ты, Дима, покажи Инне Муркиных котят, – продолжала распорядиться показавшаяся милой бабушка.

Инне звучало еще хуже, чем Инна, словно я обязана всем отказывать. Не-не-не, нельзя ни в коем случае.

– Уверена, котята ей понравятся, она ведь любит животных.

– Главное, чтобы с ними не случилась та же неприятность, что и с мышатами.

Взрослые прыснули смехом, а я запыхтела от возмущения, словно маленький паровоз.

– Ладно, лягушонок, пошли смотреть котят.

– Сам ты большой жаб, – тут же взвилась я.

На красивых мальчишеских губах появилась нахальная улыбка.

– Не-а, я прекрасный принц.

Он всегда был чертовски самоуверенным. Тогда я немного опешила, но послушно двинулась следом за красивым мальчиком, в семью которого должна была теперь войти. Уж очень мне хотелось посмотреть на котят, или еще немного полюбоваться мальчиком.

...

Помню, тем вечером, когда мама укладывала меня спать, я в открытую спросила:

– Мам, я некрасивая девочка?

– Для меня самая чудесная девочка на свете, – дипломатично произнесла родительница, обняла, и ласково поцеловала мою буйную рыжую голову.

– Я несколько раз читала сказку про «Гадкого утенка», но ведь не все гадкие утята превращаются в прекрасных лебедей? Вдруг у меня не получится обернуться?!

Так сильно в тот вечер я почувствовала свою ущербность...

Мама снова стала целоваться.

– Не родись красивой, говорят... Я со своей красотой не очень сладко жила, пока Сашу не встретила. Но что-то мне подсказывает – ты вырастешь очень-очень симпатичной, у тебя будут целые толпы поклонников. Заранее уже боюсь этого, женщине иногда очень опасно быть красивой. А ты такая яркая девочка. По сравнению с тобой я бледная моль. Твои огненные волосы, большие глаза, губы, будут всегда привлекать внимание.

– Ага, все будут потешаться надо мной... Обзывать Инной-одуванчиком, или рыжим лягушонком, – не сдержалась, выплеснула обиду на свое относительно старое и совершенно новое прозвище.

– Глупенькая, – мама стала ласково поглаживать мою спину, – Волосы отрастут, скобки уберутся, нескладность пройдет.

– И тогда я обернусь лебедем?!

– Нет, жар-птицей, – осветила комнату мамина улыбка.

– Павлином что ли?!

Родительница засмеялась.

– А еще у тебя острый язык и необыкновенная способность к иронии!

Если честно, по этому поводу я тоже за тебя боюсь.

– Не бойся, мама, я умею за себя постоять.

Глупенькая, еще не знала тогда, что умения за себя посто-
ять иногда бывает мало, что подобная способность не прино-
сит счастья. Окружающие воспринимают ее вызовом, а тому,
кто задирается, можно еще добавить боли.

Наши родители поженились через месяц после того па-
мятного знакомства. Дядя Саша в светлом костюме смотрел-
ся настоящим щеголем. Мама, несмотря на наличие рыжего
прищепа, надела красивое длинное белое платье и фату до
пола. Атласный белый корсет свадебного платья, расшитый
мелкими жемчужинами и серебристым бисером, ладно охва-
тывал ее тонкую фигуру. Она казалась юной и такой краси-
вой, что мне рядом с ней даже дышать было страшно. Как
у столь прекрасной женщины могло появиться рыжее пуга-
ло вместо дочери? Загадка природы. Мои волосы за прошед-
ший месяц не сильно удлинились, и, несмотря на заколки,
гели и лаки, по-прежнему торчали огненным нимбом вокруг
головы. Даже в красивом бледно-зеленом платье, так подхо-
дившем под цвет моих глаз и немного скрывающем худобу,
я все равно смотрелась нелепо. Пугало в любом наряде оста-
нется пугалом. До сих пор помню то едкое царапающее душу
чувство своей некрасивости, которое стократно усилилось,
когда в пределах видимости появился мой «ненаглядный»
сводный братец. По случаю свадьбы своего папеньки и мо-
ей маменьки он вырядился в строгий синий костюм, бело-
снежную рубашку, и даже бабочку нацепил. На любом дру-

гом мальчишке подобные взрослые вещи смотрелись бы нелепо, но Димка Ковалев выглядел в них шикарно. Братец правду сказал, он и в самом деле «прекрасный принц» – Мистер Совершенство. Заметив меня, новоприобретенный родственник, брезгливо скривился.

– Привет, Лягушонок.

Вместо приветствия показала ему язык.

– Н-да, манерами мы не блещем, – с ленцой, поглядывая по сторонам, прокомментировал сводный братец, и, заметив засмотревшуюся на него девчонку, помахал ей ручкой.

А я лихорадочно думала, что же ответить? Чем зацепить этого надутого...

– Надутый индюк.

Так жалко, по-детски... Но что можно было ожидать от растерянной девятилетней девочки. На красивом мальчишеском лице добавилось брезгливости.

– Не повезло же породниться с прекрасной царевной и ее чудой-юдой дочкой. Знаешь, смотря на тебя, мне всегда приходят на ум слова великого Александра Сергеевича Пушкина. Надеюсь, ты знаешь кто это такой?

Не успела я ответить, вдохнуть и пикнуть, как он начал декламировать:

– «Я помню чудное мгновенье: передо мной явилась ты, как мимолетное виденье, как гений чистой красоты». Ой, прости, это не про тебя, на девочку засмотрелся. Тебе другие стихи подходят: «Родила царица в ночь не то сына, не то

дочь; не мышонка, не лягушку, а неведому зверюшку».

Да, эти точно про меня... Да, это очень больно. Я совершенно растерялась, и захлопала глазами, пытаюсь сдержать рвущиеся на свободу слезы. Сейчас, как в мультиках, зареву дугообразными ручьями, да прямо на туфли самого красивого мальчика этого мероприятия.

– Увы и ах, даже нарядное платьице не превратило тебя в царевну, – продолжал мастерски изводить аллегориями Мистер Совершенство.

Губы-вареники задрожали...

– О, пожалуйста, только не плачь, словно маленькая обиженная девочка. И не советую тебе бежать к маме жаловаться, зачем портить ей праздник. Она вон как радуется тому, что отхватила кавалера при квартире, машине, хорошей должности и стала наконец-то москвичкой. Светится прямо вся.

Тогда я действительно была маленькой девочкой, которую никто никогда, кроме мамы и бабушки не любил. Даже собственный отец ни разу не взглянув, отказался от меня. Закипела, покраснела, и, кажется, даже запыхтела, как донельзя разгоряченный чайник. Намеки прекрасного принца о меркантильности моей матери окончательно вывели из себя. Маму нельзя трогать, мама – это самое святое, чистое и любимое. Не зная, как ему ответить, но еще с детского садика усвоив истину, что если позволишь себя обижать, издеваться будут еще сильнее, не придумав ничего лучшего,

сделала шаг вперед, задрала голову, взяла и плюнула. А так как я была чемпионкой нашего двора по плевкам в длину, прямо на губы его принцевские попала.

Мистер Совершенство всегда был педантично чистоплотным и безгливим... Даже в лице переменился, бедненький, и стал стирать мои слюни со своего плейбойно вырезанного рта.

– А слюна у меня ядовитая! – торжественно объявила я, будто чем-то ценным хвастаясь. И почему-то ножкой топнула.

Смешная, беззащитная.

– Вон, смотри, ты уже пошел зелеными пятнами. Скоро станешь большим мерзким жабом.

Дима сделал шаг в мою сторону, Подозреваю, Мистеру Совершенство хотелось меня хорошенько треснуть, но мы ведь на свадьбе наших родителей, вокруг веселятся гости, поэтому пришлось вести себя цивилизованно.

– Дурочка безбашенная... – лишь прошипел он и развернулся, чтобы уйти.

– Иди, пока не превратился в таракана.

Умением вовремя заткнуться я никогда не отличалась, считала, что последнее слово непременно должно за мной остаться .

Но, вообще, за исключением неприятного инцидента с новоприобретенным братцем, свадьба была чудесной. Обидно, конечно, что я родилась нескладным рыжим оду-

ванчиком, губастым лягушонком, но ведь радоваться жизни, счастьем мамы не только красивым разрешается. Из принципа не стала забиваться, как гадкий утенок, в угол, я не такая слабачка. Веселилась вместе со всеми, танцевала, участвовала в конкурсах, лезла куда надо и не очень. Попробуйте только клюнуть, и я вас обрызгаю ядовитой слюной. Даже букет невесты зачем-то ловила. И поймала бы, но решила уступить двоюродной сестре дяди Саши, мне ведь только девять, а она уже к тридцатнику приближается. Во мне даже в девять лет присутствовала доля здорового пофигизма, наверное, она и помогла выжить в то неласковое для меня время... А может, это был дух противоречия, доказать ему, им, всему миру, что мне не больно...

Глава 2

Мистер Совершенство

Мама умерла, когда мне было двенадцать... А до этого почти три года постоянно болела. Периоды полной апатии, когда она совершенно не интересовалась окружающей ее реальностью, с утра до вечера смотрела какие-то сериалы, сменялись у нее периодами бурной деятельности, тогда мама была приторно ласковой, наигранно веселой, хозяйственной, пекла пироги и постоянно вытаскивала нас на какие-то пикники, речные прогулки и другие маленькие-большие путешествия. Пыталась поймать ускользающую жизнь. Подозреваю, папа после тяжелой трудовой недели зачастую предпочел бы просто полежать дома на диване, мне тоже порой больше хотелось погонять во дворе в мяч с ребятами, но мы, изображая бурную радость, усиленно ей подыгрывали, готовые ехать хоть к черту на рога, лишь бы мама улыбалась. По мере прогрессирования болезни бурно-ласковых периодов становилось все меньше, зато все чаще и чаще мама раздражалась и кричала по любому поводу. Тяжело осознавать, что ты умираешь. Она то совершенно не обращала на меня внимания, вся погруженная в свои невеселые мысли, то тискала, целовала, будто плюшевого медвежонка, несмысленного младенца, призывая во всем слушаться папу и быть хорошим мальчиком. Еще мама постоянно лежала в больницах,

и мы с папой каждый вечер ходили ее навещать. Гнетущая обстановка, гнетущее понимание, что человек медленно угасает. Одна операция, вторая, облучение, химиотерапия превратили маму из красивой темноволосой женщины в лысую худышку с желтоватой кожей. Каждый раз, когда мы уходили домой после таких больничных визитов, она, заглядывая нам в глаза, просила: «Саша, Дима, помните меня. Прошу вас, помните!»

Надо ли говорить, что, когда в жизни папы появилась новая женщина, я совсем не обрадовался. Наоборот, разозлился, посчитал отца предателем. И хотя краем сознания понимал – отец совсем еще не старый, более того, здоровый и симпатичный мужик, юношеский максимализм во мне отказывал ему в праве быть счастливым. По моим тогдашним представлениям он должен был всю оставшуюся жизнь страдать, мучиться и оплакивать маму. А он уже через год после ее смерти, влюбился в другую женщину, а потом вообще решил на ней жениться. В голове постоянно звучали мамины слова: «Саша, Дима, помните меня. Прошу вас, помните!» Ну, почему жизнь такая несправедливая штука?! Почему мама ушла так рано, такой молодой, и какая-то другая женщина поселилась в сердце моего отца? Свою обиду я почему-то стал выплескивать не на своего влюбленного родителя и даже не на его новую жену, кишка была слаба, больше всего досталось незвано вошедшей в мою жизнь рыжей некрасивой девчонке – ухудшенной копии Пеппи Длинный Чулок.

Она стала олицетворением наступивших перемен, которые я не хотел, не желал принимать.

Мое поведение на свадьбе, да и потом тоже, очень стыдно вспоминать, а ведь уже здоровым лбом был. Но как мне было не злиться?! Ведь для того, чтобы эта рыжая лахудра переехала к нам в квартиру, в спальне родителей сделали ремонт, сняли со стены большой мамин портрет, на котором она была еще молодой, красивой и здоровой.

Папа тогда, не смотря мне в глаза, виновато оправдывался:

– Дим, жизнь продолжается, нельзя жить прошлым...

Может, и нельзя. Но как убрать уз головы чуть хриплый мамин голос, просивший: «Саша, Дима, помните меня. Прошу вас, помните!»

– Пап, можно я заберу этот портрет?

– Да, конечно, сынок.

Портрет я повесил у себя в комнате, сам вколотил гвоздь в стену. Пусть только кто-то попробует снять. Хотелось, чтобы частичка прошлого навсегда осталась со мной. Я буду тебя помнить, мама! Впрочем, надо отдать должное мачехе – мудрая женщина, она не стала покушаться на этот портрет и вообще мою комнату, даже не убрала папину и мамину свадебную фотографию с полочки над телевизором. Правда с другого конца полки поставила новое фото, где в роли невесты теперь выступала она.

Папа с новой женой обосновались в гостиной, там тоже

сделали ремонт и купили большой диван, который одним движением руки превращался в огромный траходром. А что, жизнь продолжается, и секс – это естественная потребность организма.

Как сейчас помню день, когда тетя Наташа с этой рыжей бестией переехали в нашу квартиру. Инна была шумная, любопытная, огненным облаком носилась по квартире и везде совала свой маленький нос. Бесила... А ее мама приготовила вкусный ужин, ласково называла меня Димочкой и до безобразия мило улыбалась. Просто выводила из себя своей слащавостью. Красивая, большие голубые глазки, губки пухленькие, личико сердечком, милые ямочки на щечках и стильная прическа на блондинистых волосах. Сама стройная, а сиськи ничего, торчком торчат. Понятно, почему папа повелся. Отец смотрел на нее ословевшими влюбленными глазами. Почему-то я никогда не видел подобного взгляда, обращенного к маме. Хотелось орать, грубить, но я послушно сидел за столом, позволяя взрослым играть в спектакле «счастливая семья».

После ужина отгородился от новых родственников у себя в комнате. Здесь, слава богу, ничего не переделывали, это было мое царство. В соседней спальне, обживая свою новую территорию, радостно копошилась рыжая Лягушка. Надел наушники, включил музыку, лег на кровать, и, смотря на мамин портрет, принялся вспоминать то время, когда я действительно чувствовал себя частью большой счастливой се-

мьи.

– Это твоя мама? – погруженный в свои мысли, даже не заметил, как «ненаглядная» сводная сестричка зашла в комнату.

– Пошла отсюда, – прошипел я, сдергивая с головы наушники.

– Мне сказали, она стала ангелом... Мой дедушка Ваня, муж бабушки Маши, тоже стал ангелом.

– Никаким ангелом она не стала, – мрачно произнес я, – просто умерла.

– Значит, твоей маме не удалось попасть в рай?! Она что, была плохая?! Врала? Убила кого-то? Или как там, прелюбодействовала?! Ой, то есть...

У Лягушонка всегда была отвратительная привычка говорить в лицо все, что думает. Тактичностью она никогда не отличалась.

– Пошла отсюда.

Навязчивая сводная сестренка надула губы.

– Ну, и пожалуйста, больно ты мне нужен, просто мама попросила попробовать с тобой подружиться. Но ты злой и нехороший, толку что красивый.

– Вот и топай отсюда.

Вечером, возвращаясь из ванной, не удержался, решил отравить себе немного душу, заглянул в бывшую комнату родителей. За полдня неожиданно приобретенная сестрен-

ка успела превратить ее в нечто невообразимое. На новые шторы прицепила каких-то пластмассовых зверьков, полки заставила рисунками, коробками, шкатулками, книжками, уродскими статуэтками и фотографиями, рамки к которым, видимо, делала самостоятельно, до того неаккуратно и нелепо они выглядели, везде разбросала свою одежду и игрушки. На большом комодѣ стояли клетки с ее животными, в беспорядке валялись корма и другие принадлежности для ухода за ними. Кошек, слава богу, ей не разрешили тащить в дом... Подобное нагромождение вещей корбило мою врожденную педантичность.

Бесцеремонно, с брезгливой ухмылкой на лице, прошелся по комнате, разглядывая хаос, который она успела развести в своей комнате. Инна сидела на кровати с какой-то книжкой в руках, но не читала, настороженно следила за моими передвижениями.

– Ну как, Лягушонок, тебе понравилась твоя коробчонка?

– Какая коробчонка?!

– Новая комната.

– Да, понравилась, с балкончиком.

Спустить бы ее с этого балкончика.

– Дома у меня не было балкона, мы вообще вместе с мамой спали в одной комнате.

– Теперь твоя мамочка будет спать с моим папочкой, – в голосе издевка и желание задеть.

– Ты ревнуешь своего папу к моей маме?!

Это она меня задела, прямо в больное место попала. Иногда Инна поражала своей пронизательностью.

– Нет, конечно, – фыркнул я.

Нет, конечно, все немного сложнее, во мне горела обида за маму, за наше, наверное, не очень-то счастливое прошлое, которое так быстро забыли, устремившись в будущее.

– А ты времени не теряла, за несколько часов превратила такую милую комнату в свинарник.

Инна снова насупилась, исподлбья недобро за мной поглядывая.

– А у тебя комната слишком скучная. Красивая, но скучная, так же как и ты, – и показательно зевнула.

Эта девочка с девяти лет умела мастерски играть на нервах, прирожденная стерва.

– Просто у тебя интересы слишком примитивные.

– Судя по комнате, у тебя примитивные, а у меня, наоборот, разносторонние...

– Причем излишне разносторонние. Хватаешься то за одно, то за другое, и нигде ничего толком не получают.

– Бабушка Маша, наоборот, говорит, мне удастся все, за что не возьмусь.

– Бабушка Маша человек субъективный, она тебе безбожно льстит, а ты всему веришь, наивная чукотская девочка. Рамки, видимо, сама делала, уродские.

Сводная сестренка зло сощурила глаза. Подошел к комоду, из клетки на меня поглядывал маленький белый хомячок.

нок. Глаза черные бусины словно осуждали: «Зачем ты так с нашей хозяйкой?! Она хорошая девочка». Спустить бы вас вместе с хозяйкой с балкончика...

– Как зовут твоих уродцев?

– Сам ты уродец!

Самодовольно ухмыльнулся:

– Ты же недавно говорила, что я красивый.

– Моральный уродец.

Немного опешил, никак не ожидал такого ответа от девятилетней девчонки.

– Ты хоть знаешь, что такое мораль?

Инна, видимо, имела весьма смутные представления об этом понятии, отвечать не спешила.

– Мораль сей басни такова, не родись красивым.

– Ты ею точно не родилась.

– Мама говорит, что я потом обернусь павлином.

Фыркнул смехом.

– Почему павлином?

– Жар-птицей. Но ведь жар-птицы не существует, а самая красивая птица это павлин.

– Глупенькая, разве ты не знаешь, что самка павлина на самом деле серенькая неприметная птичка. Красивые только самцы. Быть тебе страшной лягушкой до скончания веков.

Но я, конечно, ошибся, ей удалось обернуться огненной жар-птицей, соприкосновение с которой опалает, напрочь лишает воздуха и силы воли.

– А ты прямо Мистер Совершенство.

Чуть выпятив грудь, самодовольно ухмыльнулся.

– Именно.

– Надутый Индюк.

– Это уже было.

– Повторенье мать ученья, – и показала язык.

Милая-милая сестренка, как же мне повезло... Как же мне хочется ее придушить.

– Н-да, с манерами у нас по-прежнему проблемы. Надеюсь, плевать не станешь, как на свадьбе.

Направился вон из комнаты, но на пороге оглянулся, захотелось еще немного потравить «ненаглядную» сестричку.

– Спокойной ночи, лягушонок. Хочешь, как заботливый старший братик спою тебе колыбельную?

Слова песенки пришли мне в голову, когда я мылся в душе.

Инна, почувствовав подвох, ничего не ответила, а молчание, как известно, знак согласия.

– Спят усталые лягушки, мухи спят.

– Сам ты большой жаб.

– Это тоже уже было, – и продолжил петь:

– Тараканы на подушке, ждут лягушат.

Мама-жаба спать ложится,

Чтобы ночью нам присниться,

Ты ей пожелай

Баю-бай.

Пел я, видимо, не очень хорошо, и, наверное, поэтому Инна кинула в меня подушкой. Увернулся, стремительно нагнулся, и запустил обратно, прямо в неказистую мордашку попал. Даже несмотря на то, что подушка легкая да мягкая, брошенная быстро и с вложением силы, припечатала она сестренку хорошо. Инна захлопала ресницами, того и гляди заревет.

– Что здесь происходит? – на пороге спальни стояла тетя Наташа.

– Да ничего страшного, зашел пожелать новоприобретенной сестричке спокойной ночи. Она у вас всегда такая неряшливая?! – очертил рукой полукруг, указывая «любимой» мачехе на сотворенный ее дочкой бардак.

– Боюсь что всегда, – мягко улыбнулась симпатичная новая папина жена. – Буду рада, если сможешь приучить ее к порядку.

– Ремнем не пробовали?

Улыбка сползла с лица мачехи.

– Не пробовала. И ты тоже не смей! Я никому не позволю обижать мою дочку.

Лицо рыжей торжественно блеснуло.

– Больно надо.

– Спокойной ночи, Димочка, – на красивом женском личике снова появилась добродушная улыбка, хотя в голосе уже не было прежней теплоты.

– Спокойной ночи.

Через три недели отец зашел ко мне в комнату, прикрыл за собой дверь и сел на стул рядом с кроватью, где от нечего делать валялся я.

– Дим, я хотел бы поговорить с тобой.

К чему разговоры?! Последнее время, летая в эйфории новой любви, отец совсем не обращал на меня внимания. Я вроде бы ни с кем из его новых девчонок сильно не ссорился, предпочитал держать нейтралитет. Даже нашел несомненные плюсы в папиной женитьбе, готовила мачеха отменно. После той стряпни, которая получалась у нас с родителем, даже ее самые простые блюда, вроде жареной картошки, казались необыкновенно вкусными. Но и эти плюсы воспринимались мной в штыки, особенно после того как наелся до отвала, видимо, я понимал, что папа в своем настоящем намного счастливее, чем в прошлом, и от этого внутри снова и снова поднималась обида за маму, за себя и нашу прошлую семью.

– Что такое, пап, я что-то натворил?

– Это по поводу Наташиной дочери.

Значит, все-таки Лягушонок пожаловалась. Мерзкая. Скривился, об этой мелкой колючке говорить совершенно не хотелось, я вообще в последнее время предпочитал ее игнорировать. Получалось, правда, не всегда, Инна была шумная, неугомонная, постоянно что-то выдумывала, и ко всем при-

ставала, делясь своими фантазиями. А еще то и дело занималась усовершенствованием своей комнаты, навешала там постеров каких-то актеров, разрисовала стены, натащила всякого девчачьего барахла. Но и этого ей оказалось мало, вскоре она и в мою комнату полезла, нарисовала маленькую крикливо-радугу в небольшом пространстве между шкафом и стеной. Заметить ее можно было, только когда ложился в кровать, но взбесился я так, словно Инна набила радужную татушку на моем лбу. Почему-то сейчас воспоминания о проказах рыжей вызывали улыбку, но тогда ее жест показался мне не милой детской шалостью, а грубым вмешательством в мое личное пространство. Я раскричался, заставил стирать, даже родителям пришлось вмешаться. Тетя Наташа долго читала Инне лекции, потом поставила в угол и не разрешила целую неделю играть на компьютере, а папа провел со мной успокоительную беседу, дескать, девочка, конечно, не права, но зачем так бурно реагировать. Лягушонка было слишком много, куда ни глянь, ее рыжие лохмы, везде ее голос слышался, повсюду ее вещи валялись. Это раздражало и бесило. Да, ее всегда в моей жизни, за исключением того времени, когда я уехал из страны, было слишком много.

– И что по поводу Инны?

– Завтра первое сентября.

– Спасибо, папа, что напомнил, я уже нагладил рубашку, даже на штанах стрелки навел, еще договорился насчет цветов учительнице, завтра утром подготовят шикарный будет.

Ты ведь помнишь мою фишку насчет цветов. По поводу денег не беспокойся, я сам заработал, кое-что разгрузили с ребятами, тебе нет необходимости тратить.

Отец нахмурился.

– Спишу этот сарказм на переходный возраст. Насчет цветов разговор уже был, ты сказал, что сам решишь. Вот я и не вмешивался, позволяя тебе проявить свою самостоятельность. Не надо делать из меня невнимательного отца.

Списывай, папа, списывай, однажды ты и сына так спишешь, точнее, выпишешь из своей жизни. Но вслух хватило ума не говорить подобные слова.

– Так чего ты хотел, пап? Что эта рыжая опять натворила?

– Ничего, кроме разбрасывания игрушек и разукрашивания радугой твоей стены. Просто Инна завтра идет в новую школу, Наташа очень переживает, как ее там примут, ведь она такая необычная девочка.

– Страшная и психованная, – ты хотел сказать.

– Перестань! – вдруг взорвался отец. – Тебе уже 14 лет, ты мужчина, в конце концов! А ведешь себя, как маленький обиженный трехлетний мальчик, которому не дали конфетку. Никогда не думал, что буду стыдиться своего сына.

Кажется, у меня даже уши покраснели.

– К чему этот разговор, папа?!

– Конечно, я понимаю, что за такое короткое время вряд ли у тебя к ней проснулись братские чувства.

Чуть ли не фыркнул от подобной нелепости, вряд ли у ме-

ня к ней вообще когда-либо проснутся братские чувства.

– Однако мы теперь одна семья... Я тебя прошу, будь с ней помягче.

– Куда уж мягче, я вообще не обращаю на нее внимания, это она постоянно лезет, то радугу нарисует, то вопросы всякие дурацкие задает.

– А ты не думал, что Инне одиноко, и она пытается подружиться? Все ее знакомые остались в Подольске. Наташа ради меня все бросила.

– Пап, не делай из них декабристок. Они не в Сибирь за тобой поехали, а, наоборот, из провинциального городишки да в столицу нашей родины.

– Это не отменяет того факта, что девочке одиноко.

– А мне какое дело до ее одиночества?! Я что, нянька?! Это тебе понадобилась новая женщина, ты ведь мужик еще не совсем дряхлый, секса хочется, и все такое. А тетя Наташа очень красивая, мама не была такой няшкой. Только я твою новую семью любить не обязан. Поверь, я пытаюсь быть цивилизованным, и ради тебя терплю этих двух навязанных мне дам. Но не требуй, пожалуйста, от меня слишком много, иначе я сбегу в Саратов к деду с бабкой.

– Вот как, – расстроено пробормотал отец, – вот как, сынок. А если у нас с Наташей родится ребенок, ты тоже будешь считать, что тебе навязали брата или сестру?

– Какой еще ребенок, вы уже старые, чтобы детей ро... – и прикусил язык.

– Старые?! – снова рассвирепел отец, – иди, прочитай про репродуктивный возраст мужчин и женщин! Отличник тут выискался! Наташе всего-то тридцать три года.

Конечно, я знал, что некоторые мужики и в 70 лет умудряются удачно разбросать свое семя. Но юношеский максимализм во мне не мог себе это представить, не разрешал отцу снова заводить ребенка. Он должен был страдать, мучиться, оплакивая маму, а не плодиться с новой женщиной.

Папа долго расстроено молчал, а я ощущал себя одновременно сволочью и предателем. Трудно оставаться прежним хорошим мальчиком, когда привычный мир рухнул, исчез бесследно, оставив только воспоминания, за которые ты усиленно цепляешься, в надежде сохранить хотя бы частичку прошлой жизни.

– Дим, я понимаю, ты привык быть единственным ребенком в семье, – наконец заговорил папа, – и, наверное, не можешь смириться с тем, что моя жизнь теперь не крутится исключительно вокруг твоей персоны. Однако, прошу тебя, попытайся наладить отношения с Инной и Наташей. Вдруг тебе понравится ощущение семьи. Они неплохие девочки. Ты, конечно, можешь уехать к родителям мамы в Саратов, или переехать к дедушке Диме и бабушке Томе, думаю, они тоже не будут против... Воля твоя, сын. Ты уже взрослый малый, паспорт получил. Но знай, я бы хотел, чтобы все мои любимые люди ладили. Мы с Наташей мечтаем о совместном ребенке, и я надеюсь, у него будет старший брат.

Я промолчал, потому что любил отца, не представлял тогда жизни вдали от него, и, возможно, в глубине души чувствовал свою неправоту, хотя мне совсем не нужен был ни младший брат, ни эта странная сестренка.

– Не могу понять, к чему этот разговор, папа?

– Я прошу тебя, присмотри за Инной, возможно у нее будут проблемы с адаптацией в новой школе, у вас там такие снобы. А ты пользуешься авторитетом среди учеников, учителей и даже родителей. Вдруг девочке понадобится твоя защита.

– Не нужна мне никакая защита! – послышался сердитый голос из-за двери. – Тем более, от него, вдруг он костюмчик свой испачкает. Я сама за себя могу постоять и Мистеру Совершенству, если надо, нос расквашу!

– Инна, подслушивать нехорошо! – улыбнувшись, крикнул отец. – Невозможная девчонка! – В его устах это звучало комплиментом.

С белым бантом в рыжих торчащих во все стороны волосах, в школьной форме, из которой выглядывали худющие коленки, в чуть широковатом для ее тщедушных плеч пиджаке Инна смотрелась нелепо. Даже жалко ее стало, беденькую...

Мы стояли и ждали родителей у подъезда, папа поехал забирать цветы из салона, а тетя Наташа забыла телефон в квартире, пришлось возвращаться. Не смог удержаться, что-

бы не потравить «любимую» сводную сестренку.

– В школьной форме ты еще красивее, чем обычно.

Она, конечно, сразу почувствовала подвох, насторожилась, насупилась, а я продолжил:

– Дай подумать, кого ты мне напоминаешь?!.. Алису в Стране чудес, кажется, она тоже рыженькой была. Хотя нет, больше на Страшилу из «Изумрудного города» похожа.

Болотные глазки стали огромными блюдцами, в которых плескалась обида.

– Страшила был толстым, – плаксиво задрезбезджал детский голосок.

– Н-да... но вы оба пугала, – я чувствовал себя сволочью, но все равно зачем-то продолжал ее третировать. Было стыдно, так что кожа начала гореть, и вместе с тем, какая-то часть меня упивалась своей низостью.

Задел, затронул за живое, две крупные слезинки показались по конопущатым щекам.. На всякий случай отошел подальше, сейчас точно плюнет.

Но нет, она другое придумала, бросилась вперед, точно разъяренная кошка или бешеная лягушка. Но я малый тренированный, не только плаванием, но и борьбой занимался, перехватил ее запястья, не давая вцепиться в мои волосы и испортить прическу.

Тряхнул:

– Успокойся сестренка, сейчас мамочка выйдет, да и папочка должен вот-вот подъехать. Давай не будем их огорчать,

они, бедненькие, расстроятся, что их дети не ладят... Да и бантик может с головы упасть, а тетя Наташа так долго трудила, пытаясь его туда пристроить.

Странно, упоминание банта ее отрезвило. Она сникла, рывком освободила руки из моих ладоней, отошла от меня, со злостью вытерла слезы со щек, и стала приглаживать растрепавшиеся волосы. Вовремя... Из подъезда как раз показалась тетя Наташа. Н-да, если быть объективным, такую мамочку я бы тоже трахнул.

– Саша еще не приехал?! Не хватало в первый день в школу опоздать. Как вы тут, не подрались, пока меня не было?

Почти подрались. Тетя Наташа сразу верно истолковала витающее вокруг напряжение.

– Иннуся, все в порядке?!

– В порядке, – кривенько улыбнулась Лягушонок.

Нет, вовсе не бант она потерять боялась, просто очень любила свою маму и действительно не хотела ее огорчать. Совесть, да, наверное, это была совесть, противно заныла.

– Мистер Совершенство сказал... – и хитро на меня поглядывая, сделала паузу.

Сейчас расскажет про мое «достойное» поведение. И будет права, нельзя позволять себя третировать, а отец надерет мне уши, и тоже будет прав, нельзя поступать по-сволочному с незащитной девочкой, она ведь не виновата, что уродилась такой клоунской...

– Точнее, пожелал мне стать такой же умной, как Стра-

шила из «Изумрудного города».

Тетя Наташа строго на меня глянула, видимо, догадалась, что были озвучены совсем другие слова.

– Страшила и был всегда умный, милая, только из-за неуверенности в себе долго не мог этого понять.

– Значит, и ты не переживай, Железный дровосек, точнее, Мистер Совершенство, у тебя тоже есть сердце. Просто ты забыл, где оно находится.

Иногда она говорила такие мудрые слова, что вводила в ступор даже взрослых. Стало еще более стыдно. Слава богу, во дворе показалась папина машина. Переднее стекло опустилось, и счастливый влюбленный папа радостно сказал:

– Запрыгивайте, настала пора грызть гранит науки.

Всю дорогу по пути в школу я думал, как будут потешаться надо мной мои одноклассники, когда узнают, что у меня в сестрах теперь такое рыжее недоразумение.

– Ой, Мистер Совершенство, у тебя на штанах жвачка, – ехидно улыбаясь, воскликнула мелкая вредина, когда мы вышли из машины.

Оглянувшись назад, и не смог сдержать мата, огромное белое пятно, и прямо на самом интересном месте. Как она умудрилась приклеить жвачку, чтобы я ничего не почувствовал.

– Какая жалость, девчонки из школы будут разочарованы, прекрасный принц с пятном на заднице...

– Я тебя придушу!

– Дима, спокойно! – попытался утихомирить меня отец.

– Какое «спокойно», пап?! До линейки пять минут. У тебя что, есть в машине запасные штаны моего размера?!

– Инна, зачем ты это сделала?! – возмутилась тетя Наташа. – Жвачку очень трудно убрать с ткани... Ты ведь знаешь – вещи стоят денег. Учти, если пятно убрать не удастся, эта сумма будет вычтена из твоих накоплений на мобильный телефон.

Маленькая зараза насупилась, глядела исподлобья, но даже не пыталась оправдываться.

– Ничего страшного, милая, думаю, Инна случайно...

Рыжая безобразина покраснела.

– Не случайно, Саша, не случайно, она сознательно испортила чужую вещь.

Сознательно захотела меня вывести, мстила за мои слова, что назвал ее Страшилой, не захотел принимать ее в своей семью...

– Я поеду назад.

– Да, не получится сегодня перед девчонками пофортить, – продолжала ехидничать «любимая» сестренка.

– Инна! – снова цыкнула на нее тетя Наташа.

Злобно глянул на «заботливую» сестричку, развернулся, и, пока меня не увидели одноклассники, побежал домой переодевать штаны. Для меня тогдашнего показаться в классе со жвачным пятном на заднице было все равно, что в час пик прокатиться голым в метро. Я всегда был выпендреником.

Конечно, после этой жвачной истории симпатии к Инне у меня не добавилось, и никакие папины просьбы о ее защите и поддержке в школе я не собирался выполнять, пусть сама пытается наладить отношения с одноклассниками, надо уметь выживать в любом социуме. Она же мне не сестра в самом деле... эта странная рыжая лягушка. Но пройти мимо ее беды не смог, не таким уж и гадом я был в детстве. Конечно, Инну невзлюбили в школе, уж слишком она была яркой, необычной, вредной, языкастой, просто идеальный объект для шуток и детского буллинга. Оно и понятно, ведь даже мне нравилось ее третировать... Инна так быстро загоралась, совершенно не умела скрывать свои эмоции, но, наверное, не желая прослыть ябедой, несмотря на трогательную близость с мамой, никогда не жаловалась родителям. Мужественно переносила насмешки и травлю. А может, давала всем своим учителям шанс исправиться.

Поэтому однажды, когда папочка с новой мамочкой забеспокоились, что не могут дозвониться до своей несуразной доченьки, и попросили меня проверить, где она болтается, я застал на стадионе школы неприятную картину. Лягушонка, и еще одного толстого парнишку из их класса окружили кругом другие дети, выкрикивали оскорбления, не давали пройти, плевались, толкались, бросались камнями. Я уже пару раз встречал Инну с этим пухлым мальчишкой, они были странной парочкой, она высокая и худая словно палка, а он приземистый белобрысый колобок. Видимо, спелись отверг-

нутые всеми другими. Мне никогда не приходилось сталкиваться с проблемой детского буллинга, я во всем был лучшим, со мной всегда хотели, даже мечтали дружить, девочки с десяти лет приглашали на свидания, чуть ли не дрались между собой, пытаюсь добиться моего внимания. Да я и сам постоянно издевался над навязанной мне сестренкой, но в тот момент почувствовал себя странно, холодок прошелся по коже, возмущение поднялось внутри и одновременно брезгливость, будто кто-то затолкал мне под футболку целую кучу слизи. Внутри появилась непонятная злость, видимо, я полагал, раз мне навязали эту рыжую нелепость в сестренки, значит, только у меня должно быть исключительное право ее мучить, ее наказывать... и спасать.

Лягушонок всегда была безбашенной, бесстрашной, сумасшедшей. Помню, как она кинулась на главную обидчицу и повисла на ней, вцепившись в волосы. Фирменный лягушачий прием. Ее пухлый кавалер не обладал такой храбростью, жалобно скулил, размазывая сопли по щекам. Обидчица взывала от боли, а Инна стала ее колотить и царапать, словно не маленькая рыжая лягушка, а разъяренная тигрица, защищающая своего детеныша.

С этим толстяком она до сих пор дружит, правда, по прошествии времени, с ними обоими случились удивительные метаморфозы.

– Что здесь происходит?! – грозно крикнул я.

Круг учителей распался, кто потрусливей на всякий слу-

чай отбежал подальше.

Обхватил рыжую бестию за талию и попытался отодрать от обидчицы. Хотя сейчас было совсем непонятно, кто кого обижает.

– Лягушонок, что ты творишь! Отпусти ее, бешеная, все волосы выдерешь. А у они у нее и так реденькие, косички, словно крысиные хвостики, будет еще с проплешинами ходить.

После моих слов девчонка в цепких лягушачьих лапах зарыдала еще сильнее.

Но «любимая» ненормальная сестренка не слышала, продолжала лягаться и тянуть за светлые волосы.

– Сама ты такая! Сама ты рыжая, точнее блондинистая уродка и дура! – словно в беспамятстве выкрикивала Инна. – Сама ты такая!

– Лягушонок, отпусти!

– Лягушонок, – засмеялись вокруг.

Мучители недалеко разбежались, конечно, ведь это так интересно: понаблюдать за потасовкой двух девчонок.

– Хватит, чего вы тут столпились! Глазеете! Уходите! Чтобы я больше никого не видел рядом с рыжей, а то приду и уши надеру! Каждому!

Девчонка в руках сводной сумасшедшей уже откровенно истерила, рыдала навзрыд.

– Инна, – почти ласково прошептал я, – отпусти, ты ведь добрая девочка. Не уподобляйся ей.

Тонкие пальчики разжались, по щекам с редкими бледными конопушками покатались слезы. Заплаканная, с перекособоченной, кое-где разорванной одеждой, торчащими в разные стороны рыжими спиралями волос, она вызвала еще больше брезгливой жалости.

— Быстро все разошлись! Или я сейчас прямиком к директору пойду!

Только, помнится, к директору обратился не я, а мама той девочки, которую трепала Лягушонок. Типа хулиганка напала на ее ангела. И мне долго пришлось объяснять всем ситуацию, что ангел с крысиными хвостиками во многом сама виновата.

Нельзя безнаказанно унижать Лягушонка, она мало кому это спускала.

По правде говоря, она только мне это спускала, и то не всегда.

Вскоре все малолетние истязатели разбежались, на стадионе остались только я, Инна, и ее толстый дружок.

Лягушонок вдруг бросилась ко мне и обняла за талию, словно благодаря, мокрое от слез личико прислонилось к груди, будто я ей действительно близкий человек, любимый старший брат. Худые плечи рыжей безобразины продолжали вздрагивать, не в силах успокоиться, она смешно шмыгала носом. Моя брезгливость только увеличилась, тогда мне совсем не понравилось быть ее спасителем. Невольно отстранил от себя плачущую нелепость.

– Ну, все, Лягушонок, перестать реветь, пойдем домой... Сама небось задиралась, кого угодно достанешь своим змеиным языком!

– Они первыми начали обзывать, – недовольно насупилась Инна.

– И что, обязательно отвечать?!

– Обязательно! – убежденно ответила рыжая, грозно сверкнув болотными глазами. – Я не хочу быть жалкой.

В ней всегда было слишком много гордыни...

– Ладно, пойдем домой, ты тоже беги, пухлый...

– Я Коля, – вдруг набычился он.

Чего-то в центре позорного круга не выказывал свой характер. Задним числом каждый может быть смелым.

– Да хоть Толя, по правде говоря, мне начхать.

Рыжая снова блеснула зелеными глазищами, сейчас, наверное, и мне достанется, что посмел обидеть ее дружка.

– Не зови его пухлым!

– А то что?! И мне вцепишься в волосы...

– Я буду звать тебя тухлым.

– Договорились, – нагло улыбнулся я, – пошли домой, родители волнуются.

Но звала она меня по-другому, чаще всего с большой иронией Мистером Совершенством, а еще главным занудой нашей семьи, предводителем всех зазнаек, сэром пунктуальностью, победителем номинации идеальный костюм и до блеска натертые ботинки. А еще многими-многими другими эпи-

татами... Всех не перечислить. В этом отношении у нее была неиссякаемая фантазия.

Глава 3

Лягушонок

Так уж получилось, что Дима стал моим спасателем... Хотя его, скорее всего, эта роль тяготила и откровенно раздражала. Кого-кого, меня он меньше всего хотел бы спасать, я ведь не прекрасная дама, а вредная нелепость, незвано вошедшая в его жизнь, которая, вместо благодарности, еще и гадости говорила. Но пройти мимо не позволяло врожденное чувство ответственности. Одним словом, благородный рыцарь, которого временами подташнивало от своего благородства, но поступить по-другому Мистер Совершенство не мог. Рыцарь же...

Очередное спасение произошло, когда мне исполнилось 12 лет. Я была все такая же тощая и нескладная, только волосы отросли, да зубы подправились, и больше не казались такими огромными. В классе, страшась моей ненормальности, меня перестали травить, Кольку Кравцова тоже на всякий случай не трогали. Нас, конечно, по-прежнему постоянно обзывали женихом и невестой, а еще пузырем и соломинкой, но мы уже привыкли не обращать внимания на подколы одноклассников. У нас была своя компашка неприкасаемых... Чуть позже к ней присоединилась Ольга Анохина, она училась в параллельном классе, и в результате какой-то травмы смешно подволакивала левую ногу. Благодаря дружбе с

нами ей досталась кличка Лапоть, хотя на лапоть Оля походила мало – худенькая миниатюрная черноволосая девочка, причем отличница. Н-да, я любила брать под свое крыло сирых и убогих. Потому что тоже была из числа отверженных, тех, над которыми обычно смеются.

В 12 лет я была уже довольно взрослой девочкой, но даже взрослым девочкам хочется верить в сказки. Поскольку сказка о превращении маленькой рыжей лягушки в прекрасную принцессу затягивалась, обернуться жар-птицей никак не получалось, я придумала и поверила в новый волшебный сценарий. Согласно этому сценарию, прекрасного короля заколдовала злая ведьма, и он позабыл про свою маленькую дочку-принцессу. Но однажды король вспомнит, что где-то на земле живет маленькая рыжая сиротинка, примчится к ней, подарит подарками и станет хотя бы раз в месяц навещать. Несмотря на уверения мамы и бабушки Маши, в один голос твердивших, что Павел Кривошеев очень плохой человек, несмотря на искреннюю симпатию к дяде Саше, которого наверняка совсем не порадовало бы такое развитие событий, детству свойственно героизировать плохишей, поэтому я искренне верила – мой папа просто запутался, ошибся, его заколдовала злая колдунья, но однажды он прозреет.

В действительности произошло немного по-другому, уже подросшая сиротинка принцесса сама нашла забывчивого короля. Подумала, вдруг, если он ее увидит, с него наконец-то спадут злые чары. Мой отец был красавчиком. И хоть

его возраст близился к сороковнику, носил длинные рыжие волосы чуть ниже плеч. Причем, самое интересное, у него они не были похожи на торчащие в разные стороны взбесившиеся макароны, а вились красивыми рыжими кольцами. Вкупе с небольшой небритостью это смотрелось привлекательно, сексуально. Впрочем, в 12 лет, мне трудно было оценить по достоинству. Но даже в том возрасте я поняла, почему моя правильная мама с ним связалась – папа выглядел настоящим мачо, и внешне, особенно восседая на красивом дорогом мотоцикле, больше всех знакомых мужчин походил на прекрасного принца.

Я нашла его в соцсетях, Павел Кривошеев был байкером, рубаха-парень с роковой циничной ухмылкой на красивых полных губах. Губы-вареники мне тоже от папочки достались. Тогда мне казалось: если мой биологический родитель увидит меня, то непременно полюбит, научит ездить на своем прекрасном железном коне, и мой мир заиграет новыми счастливыми красками. В голове постоянно возникала картинка, как я, восседая на мотоцикле, подъезжаю к школе вместе со своим настоящим отцом. Ну, круто же?! А одноклассники, пожалуй, больше, все учащиеся школы и даже выпендрожник Мистер Совершенство, стоят, разинув рты.

Картинка казалась такой привлекательной, что я не выдержала, и, наврав маме, что я усиленно занимаюсь танцами, решила посетить одно байкерское сборище, на котором, судя по странице в соцсетях, должен быть мой отец. Чтобы ему

понравиться я даже надела кожаные штаны и черную необъятную, скрывающую худобу моей фигуры толстовку, а также тщательно пригладила рыжие спирали на своей голове.

Павел Кривошеев кадрил молоденькую симпатичную девчушку, по виду не старше 20 лет. Та всюю улыбалась, смотрела на папеньку осолопевшими от счастья глазами, и постоянно смущенно теребила светлые пряди своих волос. Может именно она и есть злая колдунья?! А что, ведьмы очень часто выглядят красиво. Папа, любовно погладил своего железного коня и прошел вместе с девчушкой (возможно, злой ведьмой) в бар с зычным названием «Золотой прииск».

Иногда кажется, что некоторые мужчины навсегда остаются мальчиками. Вся жизнь праздник, вечная игра в машинку, войнушку или в красивых кукол. А помогать маме (жене), жить обычной жизнью среднестатистического человека скучно и совершенно не интересно, вот они всеми возможными способами и отлынивают от этой нудной обязательки, прикрывая свой эгоизм лозунгами свободы.

Несмело подошла к железному коню запутавшегося в эгоизме короля. И с возрастающим недоумением стала рассматривать его со всех сторон. В эту железяку он вкладывал все свои деньги. В металл, а не живых людей?! Я ходила-ходила вокруг мотоцикла и не могла понять, как железяку можно любить сильнее, чем мою маму и меня. Впрочем, скорее всего, в системе ценностей своего папеньки я не стояла даже винтика его адской машины. Желая понять привлекатель-

ность этого чуда техники, я даже зачем-то на него залезла, обхватив чуть поддрагивающими пальцами пупырчатые ручки руля.

– Эй, малый, ты чего там около моего мотоцикла отираешься?!

Видимо, родитель увидел в окошко мои телодвижения, вот и решил на время отставить обольщение красавицы. Железный друг дороже всех красавиц мира.

От испуга, волнения я забыла, как нужно двигаться и говорить, продолжала сидеть на этой ненавистной драгоценности и сжимать побелевшими костяшками пальцев руль.

Вблизи папочка был такой же красивый, как на фотках в социальных сетях, из-за кожаной амуниции и длинных волос немного смахивал на предводителя древних викингов.

– Брысь отсюда! – скомандовал он.

Брысь, словно маленькому блохастому котенку. Конечно, гордость во мне мгновенно взвилась на дыбы.

– А если не брысь, что тогда?! – с вызовом ответила я.

– Тогда отгребешь.

Когда перед тобой худенькая, несмотря на объемную толстовку, девчушка, легко быть смелым.

– Тебе не кажется, что поздно заниматься воспитанием?.. – и откинула прикрывающий мои локоны капюшон толстовки.

Рыжие пружины волос тут же полезли в разные стороны.
– Здравствуй, папочка?! – в голосе, на всякий случай,

сквозила защитная ирония.

А в голове мольба: «Пожалуйста, пусть падут злые чары! Пожалуйста, пусть король меня полюбит!»

Родитель хмыкнул.

– Наташкина дочка, видать... – сказал красивый викинг после недолгого разглядывания моего фейса. – Зря она аборт не сделала, неудачная вышла. Некрасивая. А ведь говорил ей. Зачем ты сюда приперлась? Наташка отправила?! Не будет ей алиментов, сама родила, сама пусть и воспитывает.

Вздрогнула и побледнела от этих слов, доблестный викинг со всей дури ударил малолетнюю девочку тяжелой булавой жестокой правды. Нет, в свои 12 лет я не была наивной дурочкой и, конечно, предвидела возможность, что так называемый папа совсем не обрадуется моему появлению. Но всё же, прежде всего, я была ребенком, которому очень хотелось, чтобы сказки существовали в действительности. Нет никаких сказок, только жестокая, циничная, разрывающая детскую душу реальность.

Я вдруг бросилась вперед и вцепилась пальцами в рыжие волосы. Фирменный лягушачий прием, а ногтями по роже псевдоцарской прошлась.

Папаша завыл от боли...

Очень теплая душевная встреча получилась дочки с не желающим ее рождения родителем. А что поделать, больно понимать: злые чары не падут, Король не прозреет, злая колдунья не виновата в его забывчивости, более того – твой отец

и есть само зло.

Папочка безуспешно пытался высвободиться из дочерних «любящих» объятий. Но отодрать взбешенного лягушонка дело трудное, не зря ведь Мистер Совершенство называл меня прилипучей. Даже подоспевшие на помощь друзья-байкеры, не могли справиться с этой задачей, я намертво вцепилась в рыжие патлы, и разжать пальцы была не в состоянии, от душевной боли их словно судорогой свело. Колотить ребенка при своих друзьях и окучиваемой девушке псевдокороль не решался, не по-пацански это. По-пацански только делать детей, а потом сваливать в туман. Он ведь не виноват, что она дура, аборт не захотела сделать.

Я тянула и тянула за волосы, а случайный родитель тихонько охал и подвывал, не оставляя попыток разжать мои пальцы.

– Ненормальная идиотка! – бубнил он. – А кровь моя, кривошеевская, дурная.

Пальцы сами по себе разжались.

Я упала на землю перед немного потрепанным говнюком – королем викингов, и заорала, как бешеная:

– Нет, не твоя! Не твоя кровь! Я никогда не буду такой, как ты.... Безответственной и жестокой! Никогда, слышишь, никогда!!

Папенька лишь равнодушно пожал плечами, ему было плевать.

– У меня ни фамилии, ни отчества твоего нет! Я, как и

мама, Михайловна. Я не буду такой жестокой. Не буду!... Не буду! Я не Кривошеева, а Свищева!

Друзьям-байкерам стало неловко от моей истерики. А молодая девчушка, которую клеил козел-папа, обняла меня за плечи и успокаивающе зашептала: «Тише, тише, девочка, успокойся». Злая ведьма оказалась намного добрее предводителя викингов.

Впрочем, Павел Кривошеев недолго наблюдал за моей истерикой, хмыкнул, развернулся и пошел в бар... Удивительно убийственное равнодушие.

Щеки горели, в грудь продолжали и продолжали лететь холодные стрелы человеческой жестокости. Оттолкнула успокаивающе глядящие меня девичьи руки. Я с пеленок, кажется, ненавидела жалость. Лучше любые другие чувства, чем унижительная жалость. Вскочила и пустилась наутек от места обитания гнилых королевичей.

У меня случилось какое-то временное помутнение рассудка, жесткий психический припадок, когда я действовала и мыслила не совсем адекватно. Не предупредив маму, я сама добралась до дачи Ковалевых, незаметно проскользнула за забор, и бегом на край участка, где росла здоровенная высокая-превысокая липа. Стала карабкаться вверх. Нет, никаких мыслей о самоубийстве у меня не было. Просто почему-то в тот момент покорение липы казалось для меня символической чертой, за которой я освобожусь не только от страха высоты, но и от боли, которая горела внутри.

Мистер Совершенство

Сколько лет мне было тогда?! 17... да, точно, 18-й год шел, я учился в одиннадцатом классе и, желая получить очень высокие балы по ЕГЭ, усиленно готовился к экзаменам. Врожденный выпендрежник во мне хотел всегда и во всем быть лучшим. Правда, лучшим пловцом стать не удалось, хотя подавал некоторые надежды, но тут я был солидарен с папой и считал, что самая важная мышца в человеческом организме – это мозг, поэтому именно на ее развитие в последних классах школы бросил все свои усилия. Еще с пятницы, чтобы меня никто не отвлекал, свалил на нашу семейную дачу. Родители с Рыжей должны были приехать на следующий день, она по субботам занималась танцами, училась красиво двигать своими жердями-конечностями. Хотя это мало помогало, Инна оставалась все такой же нескладной, неуклюжей и несуразной. Сплошные «не» в эпитетах.

Так вот, я сидел в тишине на даче и, как полагается хорошему мальчику, которому очень хотелось поступить на бюджет в Бауманку, усиленно зубрил. От учебы меня оторвали причитания бабушки Тони:

– Господи, ты посмотри, куда она залезла?! Вот же ненормальная! Инна, ты что там делаешь?!

Инна?! Отец говорил, что они приедут только к вечеру. Как она могла тут очутиться?!

– Господи, что будет?! Инна, слезай! У меня сейчас сердце разорвется... Там высота метров двадцать. И дед, как назло, в магазин ушел. Дима, Дима-а-а!! – уже громче закричала бабушка, зовя меня на помощь.

Что опять натворила бесноватая сестренка? Оторвался от нудных учебников и выбежал во двор. Бабушка была в углу участка, где стояла наша гордость – большая раскидистая, почти вековая, липа. На самом ее верху, уцепившись руками за тонкий ствол, висела бледная рыжая лягушка — безбашенная, млять, сводная сестренка. По хребту пробежал холодок, мне даже смотреть на эту высоту было страшно. Как она умудрилась туда вскарабкаться!

– Дима, Димочка! – обрадовалась бабушка Тоня, моему появлению. – Смотри, куда Инна залезла. Убьется ведь... Что мы Наташе скажем?!

– Инна, слезай! – начал командовать я.

«Любимая» сумасшедшая сестренка только лишь протяжно жалобно всхлипнула.

– Лягушонок, слезай! – добавил в голос суровости.

– Н-не могу, кажется, я б-боюсь высоты.

Кажется ей, видите ли.

– Ну, хоть заговорила, мне она вообще ничего не отвечала, только плакала.

– Так какого хрена туда забралась, если высоты боишься?!

– Дима, не ругайся! – тут же сделала замечание бабушка Тоня.

– Бабуль, прости, это от стресса... Инна, быстро слезла!

И снова жалобное всхлипывание. Впрочем, разжалобить меня не получилось, наоборот, я еще больше разозлился. Что за создание такое ненормальное?! Даже в досаде дерево пнул. А потом схватился за первую от земли ветку, подтянулся, подбрасывая ноги на ее ствол.

– Дима, пожалуйста, ты еще туда не лезь, а то вдвоем убьетесь, – причитала бабушка.

Но я не слушал, поднялся еще на одну ветку вверх.

– Давай я сейчас папе позвоню, или МЧС вызову!

– Ба, подожди секундочку!

– Господи боже, да что же это такое, что за дьявол сидит в этой девчонке!

– Это от Кривошеевых, – угрюмо сказала рыжая дурында с высоты почти птичьего полета, и снова всхлипнула.

– Каких таких Кривошеевых?! Господи, да что же делать-то?! – продолжала нервничать бабушка.

А я медленно, но верно пробирался дальше, уже почти до середины липы долез.

– М-моего настоящего отца. Точнее не настоящего, биологического, – так называемая сестренка опять всхлипнула. – Мне от него шевелюра досталась, губы-вареники и ненормальность.

– Отлично, что ты осознаешь свои недостатки, – даже сейчас не смог удержаться от иронии. Потравить «любимую» сестренку – это святое.

– Плохо, что ты ни в зуб ногой про свои, – тут же прилетело от Лягушонка, даже страх высоты позабыла.

– У меня нет недостатков. Я ведь, как ты там меня называешь, Мистер Совершенство.

– Нет, ты Мистер Я Не Понимаю Сарказма, а еще Сэр Знайка.

– Господи, нашли, где препираться! – возмутилась бабушка Тоня. – Что мне делать с этими детьми?! Пойду все-таки отцу позвоню!

Бабушка пошла в дом за телефоном, оставив меня наедине с ненормальной сводной бестолочью.

– Ты даже знаешь, что такое сарказм.

– Я много читаю, – ответила Инна.

– Но не то, что нужно. Вижу, страх высоты уже прошел, и к тебе вернулась твоя прежняя язвительность.

– А твое занудство тебе никогда и не покидало.

Ее хлебом ни корми, дай с кем-нибудь попрепираться. Причем, переговорить Лягушонка невозможно, последнее слово непременно за ней должно остаться. Но истерить, реветь рыжая перестала, что, безусловно, радовало, кажется, наша перепалка ее немного отвлекла. Может, удастся и без МЧС-ников обойтись, главное, что прошла вызванная страхом высоты паника. За нашим едким разговором я тоже довольно высоко забрался, посмотрел вниз и голова закружилась. Высота, вообще экстрим, это не по моей части, никогда с ними не дружил, а Инна выше меня метров на пять. Вы-

соко залетела ненормальная рыжая лягушка. Попытался сосчитать до десяти, и успокоиться. А то повиснем здесь вдвоем, и тогда точно придется вызывать МЧС.

Одолеl еще несколько веток.

– Так, я дальше не пролезу, не такой тощий, как некоторые бешеные лягушки, возомнившие себя птицами высокого полета, ветки не выдержат. Инна, давай теперь ты попробуй спуститься.

– Не м-могу, голова кружится, – из веток на меня смотрели испуганные зеленые глазенки.

– А когда наверх забиралась у тебя ничего не кружилось?! – снова злился я.

– Не-е-ет, – всхлипнуло рыжее недоразумение, – не кружилось. Тогда я вверх смотрела и шла к цели.

– Ну, и как, достигла цели?!

– Нет, не достигла... Лягушки не могут летать.

– Верное замечание. Только прошу, Лягушонок, мы не на болоте, прыгать пока не надо. Давай так договоримся, сейчас ты постарайся медленно, не отпуская рук со ствола, поставить ногу на ветку, которая ниже.

– Когда я смотрю вниз, у меня голова кружится, – в девичьем голосе снова появились панические нотки.

– А ты вниз не смотри, на ветку смотри...

– За веткой низ, – недовольно бурчала рыжая вредина.

– За веткой вторая ветка, потом еще одна ветка, а там уже я вишу.... Так что давай двигай своими жердями.

– Я не могу, – жалобно хныкала рыжая.

– Похоже, ты смелая только языком чесать... Давай, черт тебя возьми, действуй! Держась за ствол, попробуй опустить ногу на нижнюю ветку, крепко становись ногами и потом постепенно перемещай руки. Ничего сложного, просто очень высоко. Лягушонок, ну, помоги мне. Инна, покажи, что ты действительно смелая, что можешь не только взобраться, но и спуститься с этого чертового дерева.

Тараканы в ее несносной голове задумались... Она молчала, ничего не отвечая.

– Инусь, – впервые назвал ее так ласково, – ты же очень смелая девочка. Если честно, меня эта черта всегда в тебе восхищала, ведь я немного трусливый... и, наверное, слишком зависим от мнения окружающих.

Кажется, мне удалось найти правильные слова, так называемой сестренке понравились мои признания. Приятно знать, что ты хоть в чем-то превосходишь Мистера Совершенство. Инна вдруг послушалась, потянулась ногой к ветке.

– Лягушонок, чуть ниже, и пока не отпускай руками верхнюю ветку.

Нога сорвалась, и Инна, тихо вскрикнув, повисла на двух руках на самой верхушке липы. У меня сердце ухнуло, ушло в пятки, свалилось вниз с дерева, откуда в любой момент могла упасть эта рыжая нелепость.

– Без паники! – кричал я. – Ищи ступнями ветку, она совсем рядом, но теперь чуть выше твоих ступней.

Нога в белой кроссовке стала неловко дергаться в воздухе, пытаясь нащупать ветку.

А мое сердце продолжало ухать и падать вниз. Я поступил неправильно, самонадеянно, я не имел право взывать к ее храбрости, подвергая опасности жизнь и здоровье. Надо было дожидаться приезда МЧС, пусть бы они возились с маленькими рыжими лягушками, перепутавшими дерево с болотом. В конце концов, они профессионалы. Инна переместилась на ветку ниже, и снова панически ухватилась за ствол липы. Выдохнул. Черт, она ведь могла разбиться или покалечиться. На лбу даже пот выступил.

– У меня руки дрожат, – пожаловалось Лягушонок.

У меня тоже дрожат, впрочем, не только они, каждая прожилка в теле трясется... Но признаваться в своей слабости не стал.

– Давай так, закрой глаза и посчитай до десяти. Разве тебя мама не учила, что, прежде чем куда-то забраться, сначала нужно подумать, как будешь оттуда спускаться.

– Мистер Совершенство, ты слишком много болтаешь.

– Не слушай.

– Ты меня сбиваешь, я не могу до десяти досчитать.

От наших привычных препирательств страх немного отступил, я наконец-то выдохнул и тоже досчитал до десяти.

– Инна, что будем делать?! Дождемся МЧС-ников или попробуем сами спуститься?

Лягушонок замерла.

– Попробуем сами, – наконец произнесла она. Все-таки Инна действительно смелая девочка. – Когда ты рядом, мне не так страшно.

Усмехнулся, прозвучало почти как признание в любви. Теперь и мне нужно было принять решение, рисковать или посмешить соседей поселка клоунадой с МЧС.

– Хорошо, – наконец ответил я, – давай еще попробуем спуститься на одну ветку вниз. Действуешь так же, сначала ставишь ноги, и только потом отпускаешь руки.

Мне всегда нравилось восхищать людей, а не смешить.

Второй спуск Инне удался без эксцессов. Холодный пот на моей коже начал постепенно высыхать. Два маленьких шага навстречу земле были уже сделаны.

– Молодец, умница, – постарался говорить спокойно, даже ласково, трепку я ей потом на земле устрою.

Теперь нас отделяла всего одна ветка, и я даже слышал ее тяжелое дыхание, но паника отпустила, причем, не только Лягушонка. Ведь когда она повисла на руках на высоте почти четырехэтажного дома, я конкретно трухнул.

– Знаешь Инн, ты действительно смелая девочка, но в следующий раз спускаться надо с открытыми глазами.

– Просто от твоего великолепия глаза заслепило, – тут же нашлась с ответом рыжая вредина.

Засмеялся, даже в таком положении, едва не погибнув, она умудрялась язвить.

– Инна, давай теперь я на одну ветку спущусь, а потом ты

еще разок повторишь свои акробатические этюды.

– Ой, молодцы мои, спустились немножко, – вновь запричитала вернувшаяся бабушка Тоня. – Родители уже едут. Спрашивают, что делать с МЧС, надо вызывать?!

Фраза «Родители уже едут» прозвучала зловеще...

Лягушонок даже помрачнела, подумав, сколько нравоучений предстоит ей выслушать.

– Позвони им еще раз, бабушка, скажи, что мы сами справимся. Да, Инна?! Спустимся самостоятельно?!

– Спустимся, – твердо сказала она.

Так постепенно, ветка за веткой, мы и пробирались вниз. На середине дерева уже полностью успокоился, теперь даже если и сорвется, насмерть не разобьется. Да и ветки тут потолще... Инну тоже, наверное, отпустило, она уже перебиралась с ветки на ветку без всякой паники, словно резвая обезьянка. А внизу слышался счастливый бабушкин голос:

– Ну, слава богу, спускаются, голуби мои! Пойду Наташу обрадую.

Какие голуби, бешеные лягушки. У меня чуть сердце не разорвалось, чуть удар не хватил в восемнадцать-то лет. Я уже благополучно достиг земли. Слава богу, наконец-то горизонтальная поверхность. Дававшая сил волна адреналина схлынула, оставив после себя подгибающиеся ноги и мелко подрагивающее тело. Прислонился к стволу дерева. Теперь можно и трепку устроить. Вскоре на землю ступила нога моей «любимой», мать ее так, сводной сестренки. Встретил ее

я уже во всеоружии, злющий как черт, выпустивший на свободу свое раздражение и страх.

– Ты что, идиотка?! Какого хрена ты туда полезла?! – гаркнул я так, что, наверное, услышал весь дачный поселок, а на многострадальной липе колыхнулись листья.

Инна, после ласкового сюсюканья на дереве не ожидавшая такого «теплого» приема, даже дернулась.

– Что, Мистер Совершенство, испугался, штаны намочил?

Она еще смеет быть нахальной. Но, как всегда, в самую точку попала, испугался за нее, бестолочь, что пострадает из-за своей глупости и моей самонадеянности. Конечно, поначалу я не пришел в восторг от появления в моей жизни такой рыжей несносной сестренки, да и сейчас не особо рад, но как бы я смотрел в глаза нашим родителям и самому себе, если бы с Инной что-то случилось? Да и привык уже с ней постоянно мелко цапаться. Порой это даже забавляло.

– Я тебя сейчас придушу.

С вытянутыми вперед руками двинулся к Инне.

Рыжая сделала шаг назад, но ноги видимо, ее тоже плохо слушались, плюхнулась попой на землю.

– Зачем тогда спасал, если душить собираешься?! – насупилась рыжая вредина.

– Не до смерти придушу! – кричал все еще бушующий во мне страх.

– Я и так безбашенная, а от нехватки кислорода вообще могу дурочкой стать.

Опять иронизирует, но мне абсолютно, вот ни капельки, не смешно.

– Я спросил, какого хера ты туда полезла?!

– Н-н-е знаю...

– Что за ответ «не знаю»?! Ты сидела-сидела, и от скуки решила, почему бы мне не залезть на ту большую липу?! Так?!

– Нет, не так! – лицо с бледными конопушками стало сумрачным.

– Поспорила, может, с кем?!

– Нет, мне было больно, – выдала вдруг она, – и я подумала, возможно, на высоте боль пройдет.

– Как больно?! Почему больно?! И каким образом дерево связано с избавлением от боли?! Что за новый метод?! Я не понимаю... Тебя кто-то обидел?!

Попал, лицо рыжей скривила непонятная страдальческая гримаса. Инна вдруг подскочила, и как тогда на стадионе, бросилась ко мне в объятья. О, нет... только этого мне не хватало. Я не хочу быть по-настоящему старшим братом. Особенно ей. Худенькие плечи начали вздрагивать, а футболка на груди стала мокрой от слез.

– Я сегодня его видела!

– Кого видела?! Черта?! Поэтому с испуга на дерево залезла?!

– Отца своего настоящего. Он сказал, что зря Наташка аборт не сделала, н-некрасивая вышла, и совсем не захотел

со мной разговаривать.

Даже опешил, впал в ступор, не зная, что говорить. Рыжую, конечно, красавицей не назовешь... Но, блин, какой взрослый человек скажет такое ребенку, тем более, ребенку, в котором течет твоя собственная кровь. Кажется, ее папенька еще та сволочь.

Неловко погладил вздрагивающую кудрявую голову...

– Послушай, тебя в школе как только не называли, а ты не обращала внимания. Я сколько раз, – неловко кашлянул, – самолично травил тебя по поводу внешности и всего остального. Так чего ты сейчас расстроилась?! Из-за слов совершенно незнакомого человека, которого видела первый раз, и который не хотел твоего рождения. Ты из-за этого мудака надумала прыгнуть с дерева?!

– Нет-нет, – запротестовала она, – не собиралась я ничего подобного делать. Я маму очень люблю и не хочу ее расстраивать.

Невольно усмехнулся:

– Оригинальный способ, мама очень обрадовалась, когда узнала, что ты залезла на эту чертову липу, да и повисла там.

– Я не думала, что испугаюсь.

– Знаешь, в чем твоя проблема, Лягушонок?! Ты слишком мало думаешь, и делаешь все, что взбредет в голову. Инна, забудь об этой встрече. Послушай, любить надо тех, кто этого достоин. А твой папаша только плевать в свою сторону достоин и больше ничего.

Лягушонок

Любить надо достойных... В глазах Мистера Совершенства я к таковым (как и мой непутевый родитель) не относилась. Меня он никогда не любил, никогда не разрешал приблизиться, только терпел как что-то надоедливое, но неизбежное, вроде шума чайника поутру или плохой погоды за окном.

Приехавшая буквально через полчаса мама сначала загребла меня в свои объятия, сдавила так, что заболели ребра, потом стала щупать, спрашивая, все ли со мной в порядке, а после утвердительного ответа, принялась покрывать торопливыми лихорадочными поцелуями мое лицо. Затем, несмотря на то, что была противницей физических наказаний, так дала по заднице рукой, что я от боли и обиды (ведь все это происходило на виду у Мистера Зазнайки) чуть не полезла обратно на липу. Выпустив пар, мама снова начала обниматься и целоваться, а у меня по щекам непрерывно текли слезы, запоздалые сожаления и страх выходили из организма.

– Инна, ну почему ты туда залезла? Зачем?! Я не понимаю?!

Горло перехватило спазмом, не хотелось еще больше расстраивать маму, рассказывая о неприятном инциденте с моим ненастоящим биологическим отцом. Зарыдала еще пу-

ще прежнего, и теперь уже я стала покрывать торопливыми, немного подлизывающимися поцелуями мамины мокрые от слез щеки.

– У, девочки мои, совсем сырость развели, – сокрушался дядя Саша.

А мы с мамой продолжали обниматься и плакать безутешными царевнами Несмеянами.

– Инна изобрела новый способ врачевания душевных ран, – раздался ироничный голос Мистера Совершенства, – страхотерапия называется. Очень креативная девочка растет.

– Инуся, что случилось?

Стоящие комом в горле разбитые девичьи иллюзии, душили, не давая говорить. Мама, сообразив, что без свидетелей я буду более откровенной, потащила меня в дом, там долго-долго пытала. Конечно, я не выдержала, рассказала ей о придуманной мной сказке, в которую почему-то поверила, хотя не наивная девочка ведь была, о сказке, которую изгваздали нелицеприятной правдой и замуровали глыбами человеческой низости. Мама меня больше не ругала, прислонила к себе, обняла и стала укачивать, словно маленькую девочку, ласково поглаживая мои кучерявые волосы.

– Инна, твой папа... я как мотылек неразумный да прямо в огонь. Бабушка Маша меня предупреждала, но кто будет слушать маму, когда глаза застит любовь.

– Да, папа, точнее биологический отец красивый, на ко-

роля викингов похож.

Мама снова грустно улыбнулась.

— Красивый, — протянула она печально, — для меня, нудной отличницы, всегда соблюдающей правила и слушающей-ся родителей, он открыл совершенно новый мир. Мотоциклы, байкерские вечеринки, лихие заезды, скорость и страсть без тормозов. От чувства свободы и влюбленности кружилась голова. А как он пел у костра под гитару. Таким чуть хрипловатым, отдающим вибрацией по всему телу голосом. Все девчонки от него млели, и до сих пор, наверно, тоже. Я не исключение... Когда так дико влюблена, голова отказывается нормально работать, и совсем не обращает внимание на то, что у моего избранника нет образования. Пытаясь себя найти, Паша бросил два института и постоянно менял места работы, то он фотограф, то водитель, то бармен, предприниматель, охранник в ночном клубе. Всех мест, где он временно трудился, не перечесать. И, конечно, меня совсем не насторожило то, что мой избранник живет одним днем, и у него нет каких-либо конкретных планов на жизнь. Как хорошо, думала я тогда, человек умет радоваться каждому дню, не обращает внимание на мешанские мелочи. Меня, влюбленную дурочку, даже не настораживал тот факт, что он частенько занимал у меня деньги и потом забывал их отдать. Подумаешь, какие мелочи, ведь он так красиво поет, играет на гитаре, какие меркантильные глупости, главное, что Паша любит меня. Я чуть ли не избранницей бога себя чувствовала.

ла. Недолго, впрочем... до того момента, пока не забеременела.

Мама всхлипнула, из красивых голубых глаз покатались слезинки, которые я, повинувшись порыву дочерней нежности, стала ласково вытирать своими пальчиками. Не хотелось, чтобы моя красавица-мама плакала.

– Он сказал: «Дети – это совершенно не мое. Пеленки, ползунки и соски, ты можешь меня с этим представить? Выбери, либо я, либо ребенок». Я выбрала тебя, а Паша уже через неделю укатил на юг с очередной влюбленной в него дурочкой. Впрочем, думаю, даже если бы я сделала другой выбор, финал наших отношений не изменился бы. Такие мужчины, как он, не созданы для брака.

– Мама, мамочка, – из глаз снова полились слезы, – прости, я только неприятности тебя доставляю. Лучше бы ты тогда аборт сделала... Без меня тебе бы намного лучше жилось.

– Тогда бы не родилась ты, мое солнышко, – философски сказала мама, ласково перебирая бешеные спирали моих волос.

А у меня по коже побежал холодок, даже вздрогнула. Я не могла себе представить, как это так – меня нет. Как это, не дышать, не видеть, не чувствовать, не знать свою маму. Не родиться, а быть погребенной как медицинские отходы, где-нибудь на мусорном полигоне города.

– Нет, дочка, нет, и хоть мне было очень трудно, пока Саша не появился в моей жизни, на самом деле я бесконечно

благодарна Павлу Кривошееву, ведь он подарил мне тебя, — ласковые мамины губы снова начали покрывать поцелуями мои щеки. — Такую сумасбродную, ершистую, веселую, с волосами, в которых навсегда застряло солнце.

Именно тогда, в 12 лет, я, наверное, впервые поняла ценность человеческой жизни, почувствовала, как это прекрасно — жить.

А ведь очень многие женщины сталкиваются с подобным выбором. Мужчины не всегда готовы нести ответственность за свои постельные подвиги, и в погоне за получением удовольствия зачастую забывают, что прелести секса сопряжены с риском появления детей и стопроцентных методов контрацепции не существует. Каждая женщина решает сама, как поступить... Очень страшно остаться одной с ребенком на руках, которого надо кормить, одевать, воспитывать, обеспечивать. С пониманием того, что мужчины, в особенности их мамы, будут теперь рассматривать тебя словно бракованный товар, товар с прицепом. Куда уж проще сделать аборт, и продолжить жить в свое удовольствие. Но я как ребенок не совсем запланированный и желанный бесконечно благодарна своей маме, что она когда-то не побоялась трудностей и решила осветить свою жизнь таким сомнительным, иногда обжигающим горькой неблагодарностью солнцем.

Уже в Москве, читая перед сном книжку, а на самом деле

карауля, когда Мистер Совершенство будет возвращаться в свою комнату после душа, я тихонько его позвала.

– Дим, подойти, пожалуйста.

На удивление он послушался, стал в дверях, словно ожившая скульптура какого-то древнегреческого бога. Одетый только в спортивные шорты, на широких плечах, бронзовой от легкого загара коже завораживающе блестели капельки воды. Сейчас кажется, что меня уже тогда от него повело, хотя, конечно, я до конца не осознавала этого, физически как женщина в ту пору еще не совсем проснулась.

– Мистер Совершенство, я хотела тебе сказать, спасибо, что ты меня спас.

Сводный братец ухмыльнулся.

– Знаешь, я совсем не уверен, что действовал правильно. И не стоит благодарности, подумал, если с тобой что-то случится, мне не на ком будет тренироваться в острословии. Твои хомячки, конечно, не уступают тебе во вредности, но вот беда, отвечать не умеют.

Недовольно надула губы-вареники, Нашел тут тренажер.

– Сейчас я потренируюсь на тебе в метании различных предметов

Красивые, плейбойно вырезанные губы растянулись в улыбке крокодила, который только притворяется добрым.

– Не советую, я ведь отвечу, а я меткий.

Он развернулся, чтобы идти в свою комнату, снова отгородиться от меня за своей дверью, своей жизнью.

– Дима, и еще я тебе хотела сказать, ты совсем не трусливый.

– Конечно, я же Мистер Совершенство, – нагло ухмыльнулся сводный братец.

Его самоуверенность всегда меня бесила.

– Просто осторожный... А еще расчетливый и чуточку скучный, – продолжила я, желая хоть немного сбить спесь Самого Идеального.

Безбожно врала, уже тогда я стала знатной врушкой. Мне всегда рядом с ним было как угодно (больно, остро, весело, напряженно, горячо), но точно не скучно.

– Это ты мне комплимент сказала, или как? – ухмыльнулся Сэр Бесподобный.

– Комплимент.

– Больше не надо, комплименты – совсем не твое. И знаешь, мне не до смеха, ЕГЭ на носу... Учить надо.

Он снова развернулся, намереваясь уйти, а мне совершенно не хотелось его отпускать.

– Учи-учи, станешь таким же умным и некрасивым, как Эйнштейн. Все девчонки разбегутся, – не зная, как удержать Мистера Совершенство, чем его задеть, говорила явные глупости.

Ответом мне послужила нахальная улыбочка человека, на все сто процентов уверенного в своей привлекательности.

– Было бы неплохо, а то достали своими звонками и заманчивыми предложениями, – и снова он развернулся к вы-

ходу.

– Дим, а спой мне ту колыбельную?

– Какую колыбельную? – недоуменно нахмурил брови Мистер Совершенство.

– Ты когда-то мне пел... про усталых лягушек.

– Зачем?

Я и сейчас не могу объяснить зачем. Но мне тогда даже явное издевательство от него воспринималось как знак внимания, почти что ласка.

– Просто захотелось, забавная песенка получилась.

– Да сколько угодно, – пожал обнаженными плечами красивый древнегреческий сводный бог:

– Спят усталые лягушки, мухи спят.

Тараканы на подушке, ждут лягушат.

Мама-жаба спать ложится,

Чтобы ночью нам присниться,

Ты ей пожелай

Баю-бай.

От слез почему-то защипало глаза.

– Н-да, поёшь ты так себе.

– Тебе непременно надо сказать какую-нибудь гадость?!

Да, такой уж у меня вредный характер, всегда был, я совершенно не умела и не умею высказывать свое расположение. Наверное, боюсь быть отвергнутой, поэтому защищаюсь иронией и грубостью.

– Спокойной ночи, Лягушонок.

– Спокойной ночи, Сэр Великий Спасатель.

– Ты забыла добавить: Мистер Укротитель Бешеных Лягушек.

Я все-таки метнула в него подушкой.

Глава 4

Лягушонок

Лет в 14 я поняла, что влюбилась в Димку по уши. Хотя влюбилась, пожалуй, неправильное слово... я им заболела, причем, кажется, пожизненно. Заболела почти с первой встречи, но вот более-менее взрослые чувства появились, когда мне шел 15-й год, а ему было 20. В то время к нескладности и худобе добавились подростковые прыщи. Я чувствовала себя самой жуткой страшилой на свете. Еще у меня выросла грудь, которой я ужасно стеснялась, поэтому старалась носить как можно более балахонистые вещи. А Димка возмужал, сильнее раздался в плечах, стал еще более красивым, самоуверенным и отстраненным. Не парень, а божество с чуть удлинненными темными волосами, небольшой щетиной на скульптурных скулах, красивой формы носом и невозможными синими глазами. Кроме того, умный, ироничный, начитанный. Мистер Совершенство, причем без всякого сарказма.

В это время мы со сводным братиком виделись нечасто. Конечно, ведь он такой занятой: учеба, различные подработки, плавание, девушки, от которых не было отбоя. Мне доставалось только редкое острословие в нашей квартире, куда Дима иногда забегал, чтобы поесть и поспать. Впрочем, я была так не уверена в себе, так стеснялась своей прыщавой

внешности, что даже перестала к нему цепляться. И только желая как можно больше знать о причине своей болезни, жадно любовалась Димкой издали, безбожно подглядывала и подслушивала. Когда никто не видел, заходила в его комнату и, словно наркоманка, нюхала вещи сводного божества. Оставаясь для него невидимой рыжей тенью, я, кажется, знала о нем все.

В то время мама была беременна Ульяновкой. Несмотря на обоюдное желание обоих, у них с дядей Сашей почему-то долго не получались дети. Были какие-то проблемы, о которых мама не слишком распространялась, а я не слишком интересовалась, потому что, если быть честной, братика или сестренку не очень-то и хотела. Маме удалось забеременеть только после пяти лет замужества. Покривлю душой, если скажу, что это новость меня обрадовала, было страшно, что мама, родив такого желанного, долгожданного ребенка совсем забудет обо мне, случайной, буйной и проблемной. Но мама так радовалась, светилась от счастья, что я старалась не проявлять свои опасения.

Как сейчас помню тот день. Родители тогда ушли к соседям на посиделки, дедушка с бабушкой были в санатории, Димка тоже где-то шлся. Я одна осталась на даче старших Ковалёвых и занимала свободное время чтением. Поскольку книжка попала не очень интересная, то я решила пораньше лечь спать. Чем читать нудятину, лучше пофантазировать, придумывая очередную сказку. Конечно, в этой сказке

я стала жар-птицей, конечно, Мистер Совершенство от меня охренел, и влюбился до одури. А я ходила такая гордая цаца, с задранным кверху носом, и совершенно не обращала на него внимания. Не знаю, сколько я лежала так в темноте, но мои мечты были прерваны осторожными шагами и негромким девичьим смехом.

– Тише, – шептал в коридоре голос водного брата.

По позвоночнику поползли тысячи гусениц, от холодных лапок которых в теле случился озноб. Кажется, Дима пришел не один. Бесшумной мышкой встала с кровати и подошла к чуть приоткрытой двери.

– Нас не увидят? – игриво спрашивал веселый девичий голосок.

– Дома только моя сводная сестра, но судя по темным окнам, она давно уже спит. Давай тихонько поднимемся на второй этаж. Третья дверь от лестницы ведет в мою комнату. Машунь, только тихо, папа против того, чтобы я приводил в дом девушек, а то вдруг научу плохому сводную бестолочь.

Как это Мистер Послушный Мальчик решил послушаться отца? Удивительно.

– Я уже совершеннолетия, меня можно учить плохому, – засмеялась девица.

– Думаю, ты уже ученая, поэтому сосредоточимся на практических занятиях.

Они поднялись на второй этаж и дальше, даже несмотря на мой острый слух озабоченной шпионки, я ни слова

не могла разобрать. Любопытство, перемешанное с каким-то непонятным болючим чувством в груди, побудило меня выйти из комнаты и подняться на один пролет лестницы. Я шла в темноте, едва ступая, боясь, что меня выдаст какая-нибудь скрипнувшая половица. От страха, кажется, дышала через раз... только сердце в груди прыгало мячиком. Бешеным мячиком.

Дима с девушкой стояли в коридоре второго этажа и целовались. В груди разрасталось неприятное жжение.

– А что у вас там? – спросил кокетливый женский голос.

– Там у нас балкон...

– Пойдем на балкон, – чуть хрипловато протянула девушка, – хочу при звездах...

Мистер Совершенство всегда мнил себя эстетом, поэтому ему предложение девушки понравилось, хотя зачем тогда было домой идти, на улице те же самые луна и звезды.

– Пойдем, будет интересно, – раздался вскоре горячий мужской шепот.

Мне тоже стало интересно посмотреть, обжечься, отравиться знанием того, как умеет заниматься любовью (сексом) мой «ненавистный» свободный братик. Они ведь сюда именно за этим пришли. Впрочем, о сексе тогда я имела весьма смутные представления, ни разу не целованная, никем не облапанная девочка. Конечно, кто на такую нелепую обратит внимание. Не знала еще, что пройдет буквально чуть больше года и ситуация коренным образом переменит-

ся. Хотя мой дружок Коляка Кравцов когда-то показывал у себя на компьютере порноролики. Только они во мне вызвали скорее чувство омерзения, чем возбуждения. Возможно, еще не доросла.

Дверь на балкончик, где стояли два кресла, столик и небольшой плетеный диванчик, была стеклянная, погода ясная, луна большая, звезды яркие. Романтика. Но действовал Мистер Совершенство с Машенькой совсем не романтично, методично и быстро стаскивал с нее одежду, при этом жадно сжимая, тиская ее стройное тело. Впрочем, девушка не высказывала ни малейшего недовольствия, наоборот, словно подставлялась под мужские наглые руки, терлась о его тело дикой кошкой, выгибалась, призывно подставляя шею под жадные мужские губы. Я, как замороженная, следила за каждым действием Сэра Бесподобного, за тем, как он развернул девушку от себя, облокотил о спинку кресла, резко спустил джинсы с ее бедер и шлепнул ладонью по девичьей попке. Он шлепнул девушку, а дернулась я, словно тоже получила удар не по попе, а в живот... больно, горячо, и дикая слабость в ногах. Несмотря на закрытую дверь, через тонкое стекло был прекрасно слышен глухой утробный девичий стон. Непонятно, зачем закрыла ладошкой рот, стонала ведь она, не я... Я стояла ни жива ни мертва, во все глаза подглядывала за парочкой в стеклянное полотно двери и давилась, задыхалась непонятными эмоциями.

Мистер Совершенство одним движением стащил с себя

футболку. Меня снова тряхнуло. Широкая спина, плечи, подкачанный торс, мускулистые руки. Может, я ничегошеньки не смыслила в мужской красоте, и вообще, по утверждениям Самого Самоуверенного, у меня полные траблы со вкусом... но тогда я точно поняла, на всю жизнь запомнила – идеал мужской красоты там, за стеклянной дверью, жадно сдавливая девичью грудь. С того момента я всех парней, мужчин... всегда с ним сравнивала. И всегда они проигрывали сводному богу... Если фигура была ничего, то тупой, как пробка, или с чувством юмора беда. Если умный, то на лицо и фигуру без слез не взглянешь.

Сняв футболку, Мистер Совершенство вытащил из кармана пакетик фольги и принялся расстегивать ширинку на своих джинсах. Невольно засмушалась, отвела глаза, но, двигая любопытством, уйти была не в силах. Потом я услышала тихий девичий вой, который оглушил, прошелся током по каждой клетке, даже голова закружилась. Широкая мужская ладонь легла на девичий рот, превращая вой в сдавленное мычание. Дима двигался мощно, каждым толчком припечатывая Машеньку в спинку кресла. К электрическому мычанию девушки присоединилось мужское сдавленное уханье.

Не знаю, сколько я там стояла, наблюдая за парочкой на балконе. Щеки ужасно горели, во мне нарастали непонятные ощущения, будто горячие пауки бежали по ногам и дальше по всему телу. Но почему-то не было противно, я чув-

ствовала жар, словно у меня мгновенно поднялась температура. Ноги подогнулись, я качнулась и, пытаюсь удержаться, не упасть на пол, оперлась попой о стену. На балконе вдруг вспыхнул свет. Боже, что я наделала?! Случайно нажала своей пятой точкой на выключатель! Кто придумал делать выключатель балконного света внутри дома?! Высвеченная пара заметалась за стеклом двери.

– Какого черта! – взревел Мистер Совершенство.

Мигом отскочила от стены и бегом вниз по лестнице. Надо было свет выключить, закончить вынужденный стриптиз сводного брата. А самое главное, может, поступи я так, Дима списал появление света на нелады с электропроводкой. А теперь что он подумает?! Подумает, что я злонамеренно включила свет, специально, чтобы выставить его озабоченным придурком.

Погони за мной не было, но кто-то отчаянно дергал балконную дверь. Кажется, ко всем прочим неприятностям, еще и замок на двери заклинил... Вредина внутри меня даже развеселилась, в какую неловкую ситуацию попал «любимый» братец, на весь честной народ покрасовался своим совершенством. Причем неловкость ситуации только усилилась, поскольку едва я успела достичь своей комнаты, как открылась входная дверь и в дом вошли родители.

– Ну, я ему сейчас устрою! – злился дядя Саша. – Как теперь в глаза Постовым смотреть?! И чего они надумали прогуляться нас проводить. Прогулялись, млять, а сын совокуп-

ляется на балконе.

– Саш, успокойся, Дима уже взрослый парень, ничего страшного, – пыталась немного потушить отчима мама.

– Вот именно, взрослый! Должен понимать, что можно делать, что нет, и отвечать за свои поступки.

Грозный дядя Саша и обеспокоенная мама стали подниматься по лестнице... Во мне одновременно боролись жуткий страх и не менее жуткое любопытство. Что будет дальше?! Как Дима выкрутится, что скажет?! Любопытство победило, поэтому я не стала прятаться, притворяться спящей, вся трясущаяся, вышла из комнаты и тихонько притаилась у лестницы.

– Ты что себе позволяешь?! – продолжал свирепствовать дядя Саша. – Выставил нас посмешищем перед Постовыми. Я понимаю, дело молодое, но зачем на балконе, да еще подсвечивать свое непотребство.

– Папа, – голос Мистера Совершенства был спокойным, но на заднем фоне мне слышались нотки смущения, – давай потом поговорим, мне нужно проводить Машеньку домой.

– Кто-то свет включил, и дверь как назло заклинило, – жаловалась девушка.

А я обмерла и еще сильнее вжалась в угол, где пряталась, вот сейчас и выйдет наружу моя роль в сегодняшнем светосексопредставлении.

– Саш, в самом деле, давай сейчас без лекций обойдемся, видишь, девушке неловко, – пыталась успокоить всех мама.

– Неловко будет, если ваше поведение кто-нибудь на видео снял и в сеть выложит. Вот тогда действительно будет неловко.

– Папа, мы пойдем...

Тихой мышкой метнулась в свою комнату. На лестнице слышались шаги, а потом скрипнула входная дверь. Обесилена прислонилась спиной к стене. Грудь бурно воздымалась, а сердце переместилось в голову, и стало бабахать там. Ну, конечно, Димка понял, или поймет, что за сегодняшней светопляской стояла я. Господи, как стыдно!.. Свет не мог включиться сам по себе. Дядя Саша тоже скоро догадается, просто он из-за злости не совсем рационально мыслил. Дурная кровь прилила к коже, пытаюсь остудиться, спрятаться от бушующего в теле смущения, закрыла лицо руками. Димка, наверное, тоже сильно разозлился. А если его сильно разозлить, он меня тоже так по попе?! К щекам еще сильнее прилила кровь, в животе странный толчок... О чем думаю, глупая.

В ту ночь я очень долго не могла заснуть, внутри была сумятица из чувств, мыслей и переживаний, которую из-за своей неопытности мне было сложно переварить и успокоиться. Лежала с открытыми глазами, прислушиваясь, ждала, когда Дима вернется, но он, видимо, решил продолжить с Машенькой дальше, ночь ведь ясная, луна большая, звезды по-прежнему яркие, можно сколько угодно тянуть за волосы, запрокидывая голову вверх, целовать беззащитную шею

и делать поступательные движения вперед, вбиваясь в тело партнерши. И снова непонятный жар, в груди – черный, болезненный, внизу живота – горячий, тягучий, приятный. Не знаю, сколько я металась, прислушиваясь к звукам ночи и ожидая, когда Димка вернется, почти до утра, а потом меня сморил сон.

Солнце слепило глаза, путалось в рыжих волосах, золотило кожу... Дурочка, выглядывая вчера «любимого» старшего брата, забыла задернуть ночную штору. Вставать отчаянно не хотелось, накрыла голову подушкой, намереваясь и дальше спать, но потом услышала голоса. Сердце пошло скакать галопом в груди, сон как рукой сняло, подошла к двери, благо, я предусмотрительно оставила ее чуточку приоткрытой.

– Сын, я, конечно, понимаю, ты уже большой мальчик, и говорить с тобой про тычинки и пестики, уже поздно. Судя по вчерашней картинке, ты прекрасно умеешь управлять своим пестиком.

– Пап, пожалуйста, я спать хочу...

– Спать надо вовремя ложиться, а не лазить где-то с кем-то до утра. Я хочу сначала стать отцом, а потом уже дедом...

– Совершенно нет повода для беспокойства, Александр Дмитриевич, презервативами я тоже умею пользоваться, – пытался шутить Сэр Идеальный.

– А головой умеешь?!

– Чуток... А разве есть поводы сомневаться? – в голосе Мистера Совершенства мне слышалась кое-как замаскиро-

ванная под равнодушие обида. – Я ведь с отличием закончил школу, сдал на права с первого раза, в университет поступил на бюджет, учусь на пятерки.

– Да, сын, ты, конечно, молодец, – немного стушевался отчим, – я горжусь тобой. Но что за секспредставление было ночью?! Мы же, помнится, с тобой договаривались... девушек за этим домой не приводить.

– Пап, я устал и хочу спать, к чему эти разговоры?! Ну, было и было, что естественно, то не без оргазма. Клятвенно обещаю, больше не повторится. Но к ночному представлению я имею только опосредованное отношение.

– А кто тогда прямое?

– Тот, кто включил свет, видимо.

Выступила из полутени, где пряталась. Пора признаваться в своих грехах, стыдно, конечно, но не сильнее, чем Диме светить перед родителями мужскими причиндалами.

– Это я... н-нечаянно, жарко было, я проснулась, хотела на балкон выйти подышать, свет машинально включила, а там они.

Глаза Мистера Совершенства стреляли злостью, красиво вырезанные мужские губы сжались в тонкую линию, а потом изогнулись презрительной улыбкой. А у меня перед глазами пара на балконе, как он шлепает девушку по попе, тянет за волосы, вынуждая запрокидывать голову. И опять удар внизу живота... Лихорадочно облизала губы.

– Простите, я н-не хотела, не знала, что так получится.

– Лягушонок, как всегда, подслушиваешь и подглядываешь?! Лучше бы уроки старательнее делала.

– По урокам ты у нас, Мистер Зубрила, – а затем повторила, подражая его голосу, – «Я ведь с отличием закончил школу, сдал на права с первого раза, в университет поступил на бюджет, учусь на пятерки».

И еще получила стрелами синих глаз. Задела, разозлила, на красивых мужских скулах заплясали желваки.

Дядя Саша нахмурился.

– Дима, ты развращаешь девушку.

– Пап, вы с тетей Наташей, кажется, тоже не отправлялись в другую квартиру, когда ребенка делали. Просто некоторым рыжим любопытным надо поменьше подслушивать и подсматривать.

К щекам прилила кровь, он правильно сказал... А вдруг Дима знает, что я захожу в его комнату и нюхаю рубашки? Тогда мне лучше провалиться сквозь землю. Навсегда провалиться.

– Пап, но я твои слова услышал... Думаю, настало время нам разъезжаться.

Два очень похожих мужчины сверлили друг друга почти одинаковыми синими глазами. Стало очень холодно, словно меня кто-то в морозильник засунул. Что же я наделала?! Теперь кровь стремительно отхлынула от лица, смущение сменилось страхом. Мысль не видеть каждый день высокомерной улыбки Мистера Совершенства показалась ужасной. Са-

мым страшным кошмаром, который мог только со мной произойти.

— Это я виновата, не надо ссориться. Нечаянно свет включила, — рассеянно лепетала я, пытаюсь хоть что-то предпринять для примирения отца и сына.

Дима ничего не ответил, проткнул насквозь своими невозможными синими глазами и прошел мимо к лестнице. Изнутри стал бить озноб. Не хочу, чтобы он жил отдельно, не хочу и все тут. Как так каждодневно не видеть Мистера Совершенство, не сказать ему какую-нибудь гадость. Да я умру, задохнусь!

Надо срочно отговорить отчима разъезжаться.

— Дядя Саша, простите, что вы поругались с сыном, я не хотела... Вы одна семья, не надо, чтобы он уезжал, это неправильно. Он вам родной и должен жить рядом с отцом.

— Ты очень справедливая девочка. Но Дима прав, как бы мне не было грустно, сын уже вырос, ему двадцать, пора отправляться в самостоятельное плавание.

Боже, как их убедить? Нельзя допустить, чтобы Мистер Совершенство уехал. Я так привыкла ежедневно получать свою порцию боли, что больше не представляла себе жизни без нее.

— Но где он будет жить?! Разве у вас есть еще одна квартира?

— Он уже взрослый, — грустно отвечал дядя Саша, — пусть попробует самостоятельно решить эти проблемы. Найдет се-

бе еще один приработок. Я немного помогу.

– Но ведь Диме надо учиться, – чуть ли не плача приводила доводы я, а все внутри обмирало от отчаянья.

– Пусть как-то совмещает, а если не получится, то мой дом всегда для него открыт.

У Димы получится, он упрямый, целеустремленный, гордый, а значит, презирать он теперь будет кого-то другого.

Это же отлично, Инна, отлично, будет меньше на тебя давить своим совершенством. Да и вообще, меньше народа, больше кислорода. Только эти мысли совершенно не радовали, и мне нестерпимо хотелось реветь.

Мистер Совершенство

Как же я зол был тогда... Не передать словами, эта рыжая неносная язва нашей семьи выставила меня идиотом. Бегать перед родителями и их друзьями без штанов, то еще экстремальное удовольствие... К тому же я так резво ринулся тушить свет, что упал, запутавшись в штанах и больно прикусил язык, а потом так резко дернул дверь, что её заклинило, вызвав еще более бурные завывания испуганной Машеньки. Пришлось сначала натянуть штаны и только потом уже разбираться с дверью. Ручка стала заедать последнее время, ее нужно было всего лишь чуток вверх приподнять, чтобы открыть, но в стрессовый момент разве об этом вспомнишь. У бедной Машеньки так тряслись руки, что на момент прибы-

тия родителей, она смогла надеть только белье. Благо я уже успел выключить свет. От смущения у меня пылали не только щеки, уши и лицо, все тело, наверное, покрылось краснотой. Почувствовал себя нашкодившим щенком... А утром последовал неприятный разговор с отцом и мои ощущения только усилились.

Нет, я давно понимал, что надо отправляться в свободное плавание, научиться жить одному, у папы с тетей Наташей скоро должен родиться ребенок, им нужна будет детская. Но все оттягивал момент взросления, потеряв мать, боялся расстаться с отцом. Да и привык уже и к тете Наташе, и даже к ее бесноватой рыжей доченьке, что ни говори, забавная она. Кроме того, мачеха так вкусно готовила, попробуй тут отправься в свободное плавание. Но тогда окончательно осознал – пора, пора вылетать из гнезда, пора становиться взрослым.

Наказать рыжую я решил уже в Москве, спонтанно пришло в голову. Лягушонок забыла телефон на кухне. Она вечно разбрасывала свои вещи где попало, а потом просила: «Дим, позвони, не могу найти мобильный». На телефон хотя бы можно позвонить, а вот ключи свои Рыжая, бывало, по полдня искала.

Инна даже никакого пароля не поставила на телефон. Может, посмотреть, чем живут современные тинэйджеры? Не успел, мобильный завибрировал и запел глупенькой мелодией в моих руках. Звонил контакт под названием Леся. Кажет-

ся, это подружка из дачного поселка, живет через три дома какая-то белобрысая курносая Леся. Длиннющая и худющая как палка. В этом они с Лягушонок похожи, хотя Инна чуточку пониже будет.

Улыбнулся, услышав, как сиганула с кровати рыжая нелепость, выбежала из комнаты огненным облаком. На ней были короткие пижамные шорты и немного растянутая розовая майка со смешным зайцем на животе. Впервые заметил тогда, а ведь ноги у нее хоть и худые, а ничего, длинные и ровные. Вдруг и правда со временем превратится в жар-птицу, вот будет прикол. Встретил я «любимую» сестренку приветливой кровожадной улыбочкой.

Увидела телефон в моих руках, растерянно захлопала болатными глазюками.

– Отдай!

Демонстративно поднял руку с телефоном вверх.

– Отдай! – чуть настойчивее повторила Лягушонок.

– Нечего бросать где попало свои вещи.

Она ринулась на меня грозным рыжим облаком, сметет, сожжет все на своем пути. Во блин, какой дылдой выросла, когда только успела. Нет, я, конечно, выше, но на всякий случай, почти как балерун, на цыпочки встал. Лягушонок, смешно запрыгала вокруг меня. Предельно близко, без лифчика, и я вдруг понял, что сиськи у нее тоже выросли. Кроме того, Лягушонок, пытаясь дотянуться до телефона, елозила ими по моему телу. Это понимание вызвало какую-то стран-

ную сумятицу в организме. Брезгливость?! Нет... Желание?! Фу, нет, конечно же... Скорее любопытство, удивление тому факту, что она уже не ребенок, а вполне сформировавшаяся девушка.

– Ты зачем свет включила на балконе?!

– Прикольно получилось, скажи, – скалила зубы ненормальная рыжая сводная сестренка.

– Прикольно?! – мгновенно взбесился я.

Ей всегда удавалось заводить меня с пол-оборота, полуслова, полувзгляда, полувздоха.

Схватил рыжую вредину за руку и грозно зашипел в лицо:

– Слушай, Лягушонок, я, конечно, добрый старший братик, но не стоит испытывать мое терпение. Ты специально это сделала?!

Мой крик не произвел на Рыжую никакого впечатления.

– Отдай телефон.

– Ты, правда, считаешь ту ситуацию прикольной?!

– Прыгающим без штанов ты смотрелся очень смешно.

Она видела меня без штанов, она еще и потешается, стерва малолетняя! И окончательно дезориентируя, пытаюсь достать телефон, снова заелозила по моему телу.

– Смешно?! Посмотрим, как тебе будет смешно.

Мгновенно ее развернул, руки своими ладонями наподобие смирительной рубашки сковал, и потащил вон из кухни.

– Мистер Злюка, что ты делаешь?! – спрашивала, брыкаясь, Лягушонок.

– Тоже хочу повеселиться.

Поволок рыжую нахалку дальше по коридору, она так растерялась, что перестала сопротивляться и, кажется, даже дышала через раз, распахнул входную дверь и вытолкал «любимую» сестренку на площадку. Босую, в одних коротеньких трикотажных шортиках и растянутой детской маечке с нарисованным на ней зайчиком. Закрыв дверь. Грудь бурно воздымалась. Заслужила, давно надо было проучить эту чертовку, пусть тоже почувствует неловкость, будет знать, как подслушивать, подглядывать и подставлять других.

Лягушонок дикой обезьяной стала кидаться на дверь.

– Дима, ты совсем офонарел?!

– Нет, дорогая сестренка, еще не совсем, если бы совсем, выставил бы тебя голой, чтобы ты почувствовала себя на моем месте.

– Мистер Возомнивший Себя Великим Мстителем, впусти меня немедленно в квартиру!

– Нет, милая сестричка, я пока еще недостаточно повеселился.

В руках зазвонил ее мобильный... опять эта Леся–я-здесья настырная звонит.

– Дим, ну хоть телефон отдай.

– Обязательно отдам и в квартиру пущу, когда нормально попросишь прощения за то, что меня опозорила перед родителями и соседями.

Ответом мне послужило полнейшее молчание, никто не

колотил в дверь и не пыхтел недовольно. Ну конечно, в этом вся Инна, шкодить Лягушонок была первая, а когда дело доходило до прощения, упиралась, словно маленький ослиенок.

Молчание затягивалось. Посмотрел в глазок. И меня снова тряхнуло, только теперь не от злости. Игра перестала казаться веселой и поучительной. Потому что лестничная площадка была пустая. Куда эта нелепость пошла в таком виде?! А куда угодно, она же, млять, безбашенная идиотка. Если папа узнает, что я выставил Инну за дверь, босой, едва одетой, без документов, денег и телефона, не посмотрит на то, что я уже большой лось, надерет мне задницу так, что я неделю садиться не смогу. Проучил, млять, повеселился! Лягушонок опять все с ног на голову перевернула.

Быстро сунул ноги в какие-то тапки и, перескакивая через несколько ступеней, побежал по лестнице. Лифт она точно не вызывала, я бы услышал характерный шум раздвигающихся дверей. Может, между этажами где-то затаилась и ревет. Нет, эта история не про Инну, она реветь не будет, лучше в волосы вцепится. Когда запыхавшийся выбежал из подъезда, Лягушонок, куда-то направляясь, уже почти пересекла весь наш двор. Хорошо, что Инна рыжая, яркая, захочешь пройти мимо, а не пройдешь, непременно заденешь. Идет такая неторопливо, будто уже обернулась павлином, словно она не босая, не в затрапезной майке с зайцем на пузе и растянутых пижамных шортах, вышагивает, как модель на подиуме. Нет, задницей так не вертит, но несет себя горделиво,

нос кверху задрала аки царица.

Пришлось немножко ускориться.

– Стоять! – схватил ее за руку, развернул ее к себе. – Ты куда собралась?!

– Сэр Бесподобный, а тебе не все ли равно?!

И только горящие огнем щеки, да блестящие то ли от праведного гнева, то ли от непролитых слез глаза давали понимание того, как ей сейчас неловко и стыдно.

От страха, бега дышалка немного сбилась. И эти сиськи ее, будь они неладны.

Лягушонок дернула рукой, но у меня бульдожья хватка, а у нее ослиное упрямство, поэтому попытки высвободить руку продолжились.

– Инна, черт возьми! Неужели так трудно нормально попросить прощения?

Она перестала дергать рукой, замолчала, насупилась. Посмотрела мне в глаза, облизала свои губы-вареники:

– Но я правда случайно свет включила, Я не хотела выставлять тебя дураком. Прости, что так получилось, – алые пятна на ее щеках стали еще краснее.

Она все-таки попросила прощения, правда пришлось для этого изрядно побегать. В сердце вдруг появилась непонятная нежность к этой сумасбродной гордячке. Даже захотелось прижать ее к себе настоящим любящим братом и ласково погладить по огненным спиралям волос. Откашлялся:

– Ты тоже меня извини, Лягушонок, я, кажется, перегнул

палку с воспитанием...

– Н-да, воспитание совсем не твоя стезя, – тут же куснула Инна. – Макаренко из тебя не получится.

Откуда только про Макаренко знает.

– Пошли уже домой, трудный подросток, там тебе Леся какая-то уже обзвонилась.

– А ты молодец, Мистер Совершенство, не боишься экспериментировать с модой.

– Чего?! – не понял я.

– Тапки у тебя модные, – озорно улыбаясь, сказала Лягушонок.

Посмотрел на ноги и захохотал: обуваясь в спешке, сунул ноги в разные шлепки, причем мне достались только левые.

– А ты вообще молчи, ты вообще босая.

Глава 5

Лягушонок

Дядя Саша с Мистером Совершенством договорились, что остаток лета Дима работает, собирает деньги на съем квартиры, а потом отправляется в свободное плавание. Ура! Осталось только одно лето мучений, и больше никто не будет звать меня Лягушонком... Даже меньше, ведь почти месяц из этого лета я проведу у бабушки Маши в Подольске. Она меня всегда ждет, и очень сильно любит. А какие она пончики печет, пальчики не только оближешь, но и покусает... Впервые мысли о пончиках вызвали не веселое урчание в желудке, а что-то, похожее на тошноту.

Ура! Только месяц мучений. Ура... Но радость совсем не чувствовалась, наоборот, хотелось реветь и голосить что есть мочи: «Димочка! Пожалуйста, не переезжай!». Я, конечно, не кричала, гордыня, перемешанная со страхом быть не принятой, не давала действовать столь импульсивно и жалко. Во мне всегда было слишком много гордыни.

В это последнее лето нашего совместного проживания Дима усиленно работал, днем в салоне связи менеджером, по вечерам еще, бывало, вагоны разгружал. А еще плавание, девушки, друзья-товарищи. В связи с таким плотным графиком встретить любимого брата в квартире было большой удачей. Поэтому я, любившая дрыхнуть до потери пульса,

вдруг почему-то стала рано вставать по утрам. Это была единственная возможность хоть как-то с ним пересечься....

– Доброе утро, сэр Брюки Со Стрелками, собираешься на очередной трудовой подвиг?

Дима только вскинул руку в приветственном жесте и продолжил жевать бутерброд, что-то выискивая в своем телефоне.

А я на него во все глаза смотрела, и непонятные эмоции теснили грудь, приятно оседая жаром внизу живота.

– Дим, напомни мне, где ты работаешь? Точно телефоны продаешь? Гляди, клиенты задохнутся. В ванну невозможно зайти, так благоухает парфюмом, что с ног сшибает.

Насыпала в свою любимую чашку с изображенным на боку улыбающимся солнцем растворимого кофе, залила наполовину кипятком.

– Лягушонок, иди, куда шла, не порти людям аппетит.

А взглядом меня так и не удостоил. Зря я с утра пораньше прыщи замазывала. Ну и ладно, переживем, полезла в холодильник за молоком.

– Прости, но когда у других аппетит портится, у меня поднимается.

– Правильно, поешь немного, замори червячка, а то тощая как доска.

Что поделать, поправиться, иногда бывает намного сложнее, чем похудеть. И лишь значительно позже я поняла, какой ценный подарок мне преподнесла природа в виде такой

конституции. Я могу есть сколько угодно, что угодно, когда угодно, не боясь при этом поправиться.

– На твоём месте, Мистер Парфюма Много Не Бывает, точнее, Сэр Сногшибательная Пахучка, я бы не увлекалась сильно едой... Мне кажется, ты склонен к полноте, – не знаю зачем сказала, я многое говорила, да и говорю до сих пор, не подумав, лишь бы последнее слово за мной осталось.

Ткнула сводного братца в плечо, палец будто острая игло-ка уколола.

– Это мышцы, – абсолютно спокойно ответил Дима и от-хлебнул из кружки кофе. Конечно, его ведь не кололи игло-ки. – Не переживай за меня, Лягушонок, я знаю, как можно сжечь лишние калории.

В животе случился жаркий переворот, а перед глазами снова возникла картина, которую я увидела когда-то на бал-коне дачи Ковалевых. Податливо изогнутое женское тело, жадные мужские руки и губы сводного бога, мощные точки, сопровождаемые тихими завываниями.

– От такого сжигания калорий, Мистер Люблю Всех Дев-чонок Без Разбора, всякая зараза бывает, а ещё дети случа-ются....

– Далеко не всех... Вот тут ты не права, я очень приверед-лив, выбираю самых красивых. А вообще, я плавание имел в виду.

Плавание, как же... Чуть не застонала, плавать у него то-же великолепно получалось. Я видела Диму в бассейне, и

на речку мы всей семьей выезжали. Впечатляющее зрелище, особенно когда он выходил из воды, высокий, плечистый, весь лучащийся здоровьем и животной притягательностью. Не только я, влюбленная дурочка, весь пляж не мог от него взгляда оторвать.

– Гляди не переутомись, чемпион.

Димка бросил на меня хмурый взгляд.

– Что за мода рано с утра приставать с разными глупостями и портить настроение?

– Я могла бы и вечером портить, да ты слишком поздно домой приходишь.

Димка фыркнул со смехом, подавился кофе, а я как заботливая сестренка со всей дури стукнула его по спине. Ладонь проткнула тысяча маленьких иголок.

– Дети, вы опять ссоритесь?!

На кухню походкой вразвалочку вошла мама. Она сейчас напоминала большой грузный бочонок. Точно девочка родится, всю красоту мамину забрала эта беременность.

– Нет, мам, совсем не ссоримся... обычное наше состояние.

– Инн, скоро Дима переедет.

Сердце болезненно сжалось в груди.

– Скатертью дорожка, – а губы скривились в беспечной улыбке.

Когда мне больно, я всегда улыбаюсь, вот такой врожденный дефект мимических мышц.

– Заскучаешь же, не с кем будет грызться.

– У меня скоро сестренка появится.

Мама завозилась у плиты, наливая себе чая.

– Она пока подрастет, пока говорить научиться, пока тебе начнет достойно отвечать...

– Не переживайте, я буду иногда заходить, новую сестренку понянчить, так что, Лягушонок, сможешь меня еще пожалить, а пока яда поднакопи.

Дима, весь такой внушительный и статный, встал со стула, приблизился, вызывая целую волну непонятных ощущений, быстро щёлкнул меня по носу и пошел к раковине споласкивать чашку.

«Обещаешь?!» – хотелось спросить, заглядывая в глаза, чтобы точно удостовериться в правдивости его слов. Но разве божеству задают вопросы, можно только довольствоваться тем общением, которое тебе перепадает, даже если это щелчок по носу.

Сэр Идеальный сполоснул чашку, насухо вытер ее полотенцем, и поставил в строго определенном месте, где вот уж столько лет стояла именно его чашка. Чертов педант. Мою же солнечную чашку можно было обнаружить в любом месте квартиры. Я не такая скучная и предсказуемая, как некоторые.

– До вечера...

– Дим, Инна не поедет сегодня с нами на дачу, у нее танцы и занятия с репетитором, присмотри за ней, пожалуйста.

– Мама, я не маленькая, – тут же недовольно зашипела я, – что за мной присматривать, тем более, Мистер Зануда с утра до вечера занят.

– Теть Наташ, я буду поздно, – лишь сказал Димка, – но проконтролирую, чтобы Инна не засиживалась перед компьютером до двух ночи.

Конечно, в няньки он мне не нанимался, хотя и неоднократно приходилось вытаскивать шалопутную сводную сестру из различных передраг, чего только история с деревом стоит.

Мистер Великолепный вышел из кухни, словно солнце закатилось, сразу стало вдруг темно и уныло.

– Инна, пока мы будем на даче, убери квартиру, помой ванну с туалетом, кафель вокруг ванны хорошенько средствами протри, мне сейчас нельзя химией дышать, разбери одежду в своем шкафу, все запихано непонятно как, еще разберись с обувью в коридоре. Какую обувь не носишь, протри, и убери в кладовку.

Театрально схватила за голову.

– А потом можно на бал?!

– Какой бал, – улыбалась родительница, – чтобы в девять дома была,

– Мам, ты перепутала, ты Зазнайке злая мачеха, его должна гнобить, а меня холить и лелеять.

Мама весело засмеялась, из коридора тоже послышался смешок, кажется, мне удалось позабавить старшего брата.

– Царевна-лягушка, слушай давай, что мама говорит. И еще заодно мою обувь протри. Давай, Золушка, работай, я вечером приду, проверю.

Показала ему язык, хотя мистер Совершенство не видел, он в коридоре прихорашивался, зато мама заметила и пригрозила мне кулаком.

В самом деле, как же я буду жить, смогу ли я жить без этих милых утренних пикировок, без его сногшибательного во всех смыслах присутствия.

Нет, я честно выполнила почти все, что сказала мама, сходила позанималась танцами, убралась в доме, кафель почистила, не от души, но сойдет, разобрала свои вещи, сходила к репетитору и даже, как просил сэр Бесподобный, помыла не только свою, но и его обувь. В восемь часов позвонила родительнице отчитаться. Сказала, что давно пришла домой и теперь примерной девочкой читаю очень интересное произведение нашего всемирно известного классика Льва Николаевича Толстого «Война и мир». Наврала, конечно, читать я не собиралась. Наоборот, на сегодня у меня была назначена важная операция по избавлению себя от лягушачьей шкурки. С этой целью я нацепила обтягивающий алый топик да низко сидящие джинсы, оставляющие открытым пупок, разгладила утюжком свои рыжие лохмы, и они языками огненного пламени заскакали по плечам. Потом тщательно замаскировала тональным кремом прыщики, накрасила глаза и обвела губы кремово-розовой помадой. Пожалуй, я да-

же ничего стала выглядеть. Кажется, начала помаленьку обращаться? На павлина еще не тянула, но на ворону с павлиньими перьями точно смахивала. Тощая, конечно, однако же сиськи имеются, талия и бедра тоже. Зря Мистер Совершенство обзывал меня доской. Может и доска, но фигурно вырезанная.

– Ну, ты даешь подруга! – присвистнул мой дружок Колька Кравцов, которому из пузыря почти удалось превратиться в прекрасного белобрысого принца. Прыщики только немного портили картину. Но, кажется, он тоже их чем-то замазал. – Инка, да ты красотка! Пойдем, удивим одноклассников.

Мистер Совершенство

Я помню, как сейчас, тот вечер, все до мелочей перед глазами. Пришел домой поздно, перво-наперво в глаза бросилась прибранная обувная полка. Удивительно, Инна даже мою обувь вытерла, хоть я и не надеялся особо, сказал, чтобы Лягушонка немного позлить. В квартире тоже царил полный порядок, а еще подозрительная тишина.

– Инна, позвал я, у нас есть что-нибудь поесть?! Последний раз ел часов в двенадцать.

Тишина и темнота. Может, заснула уже? Дрыхнуть Инна всегда любила, мелкой могла до полудня спать. Хотя сейчас стала почему-то рано вставать, своими шуточками мне нер-

вы мотать.

Быстро разулся и направился напрямиком в ее комнату, щелкнул выключателем. Лягушонка не было дома. Куда-то ускакала на своих оглоблях, хотя детское время уже давно закончилось. В ее комнате всегда бардак, но сегодня особенный... Кажется, перед тем как отправиться из дома, она прихорашивалась, примеряла, что на себя надеть. На кровати валялись наряды, которые не подошли, на письменном столе в беспорядке косметика, утюжок для волос, который ей недавно подарили, чтобы она могла выпрямлять свои необузданные волосы, еще разнообразные приспособления для маникюра и макияжа. А ведь мачеха велела ей прибраться у себя в комнате, причем, судя по чистым полкам, маму она послушалась, но потом, собираясь, тайфун по имени «Лягушонок» снова превратил комнату в последствия постапокалипсиса.

Моему врожденному аккуратисту просто претила такая ее врожденная привычка оставлять за собой хаос, вносить путаницу в вещи, жизнь, мысли и чувства.

Я в няньки не нанимался. Пусть что хочет, то и делает. Она уже взрослая почти. Блин, но ведь утром, зачем-то пообещал мачехе проследить, чтобы Лягушонок вовремя отправилась спать. Только несносная Иннушка ускакала не в постель, а, судя по всему, на свидание с каким-то принцем недоделанным, поэтому, видимо, так хаотично прихорашивалась. Конечно, сиськи же выросли. Надо посмотреть,

че там за принц нарисовался, поговорить, чтобы не обижал сводную бестолочь. Эти мысли мне почему-то не понравились, какие могут быть принцы без моего ведома?! И вообще, ей еще рано жениться! Пусть лучше уроки учит.

Достал телефон, нашел ее номер в записной книжке, надо выяснить, где находится эта рыжая бестолочь. Ужасно хотелось есть, нет, даже жрать, а голодный я обычно злющий, словно черт, поэтому, когда Инна соизволила ответить, рывкнул так, что наверно услышали не только соседи сверху, снизу и сбоку, но и с другой стороны двора.

– Ты где?!

– Танцую... – невозмутимо ответила Рыжая.

– А кто тебе разрешал танцевать?!

– О, Мистер Хочу Быть Всемогушим, извини, забыла у тебя разрешения спросить.

Начал медленно закипать, точнее, с Лягушонком я всегда закипал быстро, практически мгновенно, один щелчок пальцами, одно слово, и я не человек – клопочущее злостью чудище.

– Кажется, ты маме обещала, что будешь дома в девять.

– Так я не уточнила утра или вечера.

– Рыжая, пойдем, выпьем, – послышался в отдалении чей-то голос. —

И Пузыря, то есть Ника зови.

– Пузырь уединился с Лизкой на втором этаже, – вклинилась в разговор какая-то девушка.

Значит она не с принцем, а с Пухлым-тухлым на какой-то гулянке, и, судя по всему, Тухлый за ней не присматривает, раз находится в обществе Лизки на втором этаже. И чего она постоянно с ним таскается?! Мне никогда не нравился этот ее дружок.

– Немедленно скажи, где ты находишься? Я за тобой приеду. И алкоголя чтобы больше ни капли не пила.

– Плохая идея, сэр Бесподобный. Кстати, можешь сегодня девушку привести, я и без тебя плохому научусь.

– Дура!! – снова заорал я в трубку. – Сейчас же назови адрес, или я позвоню твоей матери и расскажу, что ты творишь.

– Ты этого не сделаешь, мистер Правильный Мальчик. Знаешь почему?! Мама на сносях, вот-вот родит, а они с дядей Сашей так долго хотели, ждали этого ребеночка. Ты побоишься пугать ее ночью. При всех твоих недостатках ты не лишен некоторой доли благородства, совсем маленькой, крохотной, но она не позволит тебе без крайней нужды волновать беременную женщину.

Заскрежетал зубами, потому что Инна была абсолютно права, тетю Наташу сейчас нужно беречь.

– Я тебя придушу, если не скажешь, где ты находишься!

– Дмитрий Великолепный, и этого ты тоже не сделаешь. За это сажают в тюрьму, а ты не станешь портить свое светлое будущее круглого отличника из-за такой вредины, как я.

– Где ты находишься?!

– Рыжая, ты сегодня такая красивая, – пел какой-то мудака в отдалении. – Классно выглядишь. Прямо не узнать тебя.

Красивая рыжая?! Кто-то нагло вешает лапшу на уши. А Инна совсем неопытная, может поверить.

– Спокойной ночи, Господин Злюка...

– Немедленно скажи, где ты находишься?! Или я не знаю, что с тобой сделаю.

– Так ты сначала придумай, что сделаешь, а потом угрожай. И вообще, поиграй в рыцарей с кем-то другим, я не тяну на даму сердца.

– Ты, ненормальная, сейчас же марш домой!

– Инна, пойдем, потанцуем, – опять слышался мужской голос.

Заскрежетал зубами.

– Дим, не переживай, я не дам себя в обиду, после той истории на стадионе, меня до сих пор все боятся. А еще не говори, пожалуйста, маме, про эту гулянку, – и отключила звонок.

Рыжая дурында! Прямо зарычал от злости. Нелепей и вреднее создания трудно найти! Компания выпивает, Тухлый Бывший Пухлый занят Лизкой, какой-то мудака вешает ей лапшу на уши, и, кажется, там целая толпа плохо контролируемых подростков, у которых кипят гормоны, а рыжая-бесстыжая всегда лезет на рожон... Под ложечкой засало. И где мне теперь искать эту дуру набитую?!

Снова позвонил на телефон «любимой» сестренки... Гуд-

ки шли, но отвечать мне никто не собирался. Я набирал и набирал Инну, не знаю сколько раз. Лишь периодически отвлекался, чтобы от злости попинать стены, потом снова звонил. Но она, млять, не отвечала... Я ее придушу, обезглавлю, четвертую, посажу голой попой в муравейник.

Потом позвонил своему однокласснику Лехе Савальневу, он учился в университете МВД, вдруг у него есть знакомые, которые могут помочь.

– Леш, привет! Сильно занят?!

– Ну, если честно, ты не совсем вовремя, я с девушкой сейчас.

– Прости, но мне очень срочно, сестренка моя сводная ржая куда-то отправилась, там целая компания подростков, алкоголь и все дела. Ну, ты понимаешь, как это может быть опасно. Наверное, они где-то сняли дом, или у кого-то на даче зависают. Может у тебя есть знакомые, мне нужно узнать мобильный ее дружка. Помнишь, она всегда с толстым парнишкой лазила? Его, кажется, Пузырем в детстве дразнили.

– Помню, конечно, Пузырь, Соломинка и Лапоть. Лаптем была такая чудная темноволосая девчушка, у нее с ногой проблемы были.

– Его фамилия, если мне не изменяет память, Кравцов...

– Хорошо, Дим, ты не переживай раньше времени, постараюсь узнать что-нибудь.

Не в силах сидеть дома, выбежал на улицу, завел свой старенький форд, на который самолично заработал, и поехал

колесить по городу.

Через сорок минут ожил телефон в моей руке...

– Дим, я сбросил тебе номер.

– Спасибо, Леш, буду твоим должником.

– Если что, звони. Привет Лягушонку!

Быстро набрал присланный Савальневым номер.

– Да, – почти сразу ответили мне.

– Где Инна?! – зарычал я в трубку, совсем позабыв о приветствии.

– Я-я не знаю, – блеяли на другом конце провода.

– Как не знаешь?! – продолжал орать я, чувствуя, как холод заполняет нутро.

– Разве она не с тобой пошла?!

– Я просто немного был занят, отвлекся, она с Лешим танцевала, а потом они вышли. И теперь их нигде нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.